1913 г. ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ. № 1.

ПСИХОТЕРАПІЯ

ОБОЗРѢНІЕ ВОПРОСОВЪ ПСИХИЧЕСКАГО ЛЕЧЕНІЯ И ПРИКЛАДНОЙ ПСИХОЛОГІИ.

ВЪ ЖУРНАЛѢ ПРИНИМАЮТЪ УЧАСТІЕ

A. ADLER (ВѢНА), М. М. АСАТІАНИ, А. Н. БЕРНШТЕЙНЪ, E. WEXBERG (ВѢНА), Ю. В. КАННАБИХЪ, O. KAUS (ВѢНА), В. Н. ЛИХНИЦКІЙ, Н. Е. ОСИПОВЪ, STEIN (БУДАПЕШТЪ), W. STEKEL (ВѢНА), О. Б. ФЕЛЬЦМАНЪ, FRISCHAUF (ВѢНА).

РЕДАКТОРЪ

Н. А. ВЫРУБОВЪ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Оригинальныя статьи.

Alfr. Adler. Роль безсознательнаго въ неврозѣ.

А. Б. Залкиндъ. Къ вопросу о факторахъ, сущности и терапіи психоневрозовъ.

Н. А. Вырубовъ. Къ психопатологіи обыденной жизни. (Психоанализъ изъ недавней борьбы за депутатскія кресла).

В. Н. Лихницкій. О современномъ положеніи психотерапіи въ Америкѣ

Обзоры.

Zentralblatt f. Psychoanalyse, I. Jahrg. H. 12. (Н. Вырубовъ).

Рецензіи.

André-Thomas. Psychothérapie. (В. Лихницкій).

Engelhorn. Nevrosität und Erziehung. (В. Лихницкій).

Paul Schrecker. Henri Bergsons Philosophie der Persönlichkeit. (Н. Вырубовъ).

Вл. Сербскій. Психіатрія. (Н. Вырубовъ).

А. Н. Бернштейнъ. Клиническія лекціи о душевныхъ болѣзняхъ. (Н. Вырубовъ).

Общества и съѣзды.

Alfr. Adler. Конгрессъ «Интернаціональнаго Союза медицинской психологіи и психотерапіи». Цюрихъ 8 и 9 сентября 1912 г.

Раиса Адлеръ. Ферейнъ свободнаго психо-аналитическаго изслѣдованія. Засѣданіе 17 сентября 1912 г.

Хроника.

Объявленія.

БИБЛІОТЕКА «ПСИХОТЕРАПІИ»

подъ редакціей Н. А. Вырубова.

№ 1. Фрейдъ. Психологическіе этюды. Изданіе 2-ое. Ц. 35 к.

№ 2. Роледеръ. Основы сексуальной педагогики. Ц. 70 к.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ «НАУКА», МОСКВА, Б. Никитская, 10.

НОВАЯ КНИГА

ЛЕВЕНФЕЛЬДЪ.

СЕКСУАЛЬНЫЯ ПРОБЛЕМЫ

переводъ подъ редакціей и съ предисловіемъ

Н. А. Вырубова.

Содержаніе: О сексуальной конституціи. Эротика и чувственность. Половое влеченіе какъ двигательная сила въ духовной жизни.

Вышли изъ печати: 1) Д-ръ Карлъ Абрагамъ „Сонъ и мифъ". 2) Зигмундъ Фрейдъ. „Леонардо да Винчи". 3) Д-ръ Н. Котикъ „Непосредств. передача мыслей". 2-ое доп. и испр. изд. Издательство **„Современныя Проблемы". Москва, Садовники, 16.**

Книги и оттиски, поступившіе въ редакцію.

С. А. Сухановъ, прив.-доц. Патологическіе характеры. (Очерки по патологической психологіи). Петербургъ, 1912.

М. Лахтинъ. Матеріалы къ исторіи психіатріи въ Россіи. М. 1912.

Ф. Кейра. Воображеніе и различныя формы его у ребенка. Научно-популярная педагогическая библіотека. В. IV. С.-Петербургъ. 1912.

М. И. Коноровъ. Учебная коллекція психологическихъ приборовъ и таблицъ. Научно-популярная библіотека. В. III. Петербургъ. 1912.

Вл. Сербскій. Русскій союзъ психіатровъ и нервопатологовъ и С. С. Корсаковъ. От. изъ „Журнала невроп. и псих. имени С. С. Корсакова". Кн. I, 1912.

В. Н. Лихницкій. Психотерапія и психоанализъ. Библ. журнала „Терапевтическое Обозрѣніе". В. IV. 1912.

Зигмундъ Фрейдъ. Толкованіе сновидѣній. К-во „Современныя Проблемы". М. 1913.

W. Stekel. Причины нервности. Психотерапевт. библіотека. VI. Книгоиздательство „Наука". М. 1912.

Оригинальныя статьи.

Роль безсознательнаго въ неврозѣ [1]).

Alfr. Adler.

Наше пониманіе отдѣльныхъ вопросовъ психологіи неврозовъ такъ тѣсно связано съ индивидуальной точкой зрѣнія, что можно утверждать: практическая гипотеза, хотя она и выросла изъ индивидуальнаго познанія, даетъ картину широты воззрѣній и границъ познанія изслѣдующаго. И въ такой степени, что это объясняетъ, почему приходятъ къ такимъ различнымъ пониманіямъ, оцѣнкамъ, предположеніямъ, почему одна школа выдвигаетъ или умаляетъ этотъ пунктъ своего воззрѣнія, другая—иной, одни сосредоточиваютъ свое наблюденіе на существенномъ, другіе придаютъ цѣну второстепенному. Тотъ, кто является сторонникомъ формулированнаго ученія, того трудно поколебать, какъ будто всѣ внутреннія противорѣчія имъ опознаны. Онъ держитъ себя вообще какъ нервный паціентъ, не допускающій измѣненія своихъ жизненныхъ плановъ до тѣхъ поръ, пока онъ не ознакомится съ своимъ безсознательнымъ великимъ идеаломъ и не отброситъ его какъ неисполнимый.

Въ отличіе отъ другихъ авторовъ, я могъ-бы предложить читателю для доказательства примѣнить эту точку зрѣнія въ нижеслѣдующемъ изложеніи. Психотерапія это—искусство. Самоанализъ—вѣрнѣе, выясненіе своей жизненной линіи—подобенъ автопортрету и поэтому не даетъ никакихъ гарантій для «свободнаго отъ предвзятостей» изслѣдованія, такъ какъ онъ, къ сожалѣнію, производится тѣми-же ограниченными средствами личности (или двухъ личностей) и такъ какъ индивидуальныя перспективы не даютъ возможности разсматривать себя или другихъ иначе, какъ съ индивидуальной точки зрѣнія. Примѣненіе личныхъ аргументовъ, не употребляющихся обычно въ наукѣ, при обсужденіи психотерапевтическихъ воззрѣній, является дерзостью, которая понятна только

[1]) Статья одновременно появится въ Zentralblatt f. Psychoanalyse. Н. В.

при молодости нашей дисциплины и которая въ дальнѣйшемъ не должна-бы была встрѣтить сочувствія.

Въ психотерапевтической практикѣ эти границы индивидуальности не могутъ быть такой помѣхой. Если невротикъ боится столкновенія съ дѣйствительностью, врачъ учитъ его справляться съ нею. Связь паціента съ врачомъ всегда мѣшаетъ блужданіямъ невротика среди фикцій. И когда паціентъ раздумываетъ надъ борьбой съ своимъ чувствомъ превосходства, врачъ указываетъ ему на односторонность и окаменѣлость занятаго имъ положенія [1]), при чемъ наибольшей трудностью при леченіи оказывается то, что паціентъ, несмотря на пониманіе невротическаго механизма, все таки считаетъ обоснованной часть своихъ симптомовъ. Пока новая, быть можетъ наиболѣе искусная, невротическая уловка не откроетъ: паціентъ пользуется безсознательнымъ, чтобы съ своими прежними привычками и симптомами итти, несмотря на всѣ разъясненія, къ прежней цѣли достиженія превосходства. Устанавливая это, мы вступаемъ снова на путь разъясненій, которыя я подробно изложилъ въ своей работѣ «О нервномъ характерѣ» [2]) въ формѣ плана жизни невротика. Нервная психика, чтобы получить возможность достигнуть своей преувеличенной цѣли, вынуждена прибѣгать къ уловкамъ и хитростямъ. Одной изъ такихъ уловокъ является перенесеніе цѣли или замѣстителя цѣли въ безсознательное. Если эта цѣль лежитъ ввидѣ «морали» въ какомъ нибудь переживаніи или фантазіи, они могутъ подвергнуться амнезіи вполнѣ или частично настолько, что фиктивная конечная цѣль этимъ затуманивается.

Я пользуюсь только другимъ способомъ выраженія, когда утверждаю, основываясь на предыдущемъ, что эта цѣль или эти обломки переживаній и фантазій, связанные съ этой цѣлью, настолько и въ такой формѣ доступны сознанію, что они способствуютъ, а не препятствуютъ достиженію личнаго идеала. Біологическое значеніе сознанія также какъ и указанное участіе безсознательнаго, состоитъ, такимъ образомъ, въ возможности дѣйствія по единому жизненному плану. Это воззрѣніе совпадаетъ отчасти съ ученіями Steinhal'я, Vaihinger'а

---

[1]) Zentralblatt f. Psychoan. I Jahrg. H. 5. Adler. «Zur Lehre vom Widerstand». (Русск. перев. см. „Психотерапія", № 2, 1912. «Къ вопросу о сопротивленіи». Н. В.).

[2]) Изданіе J. Bergmann'a. Wiesbaden. 1912. (Рецензію см. „Психотерапія", № 4—5, 1912. Н. В.).

и Bergson'a [1]) и указываетъ на выросшее изъ инстинкта и приспособленное для борьбы свойство сознанія.

Послушное преувеличенному невротическому идеалу сознательное представленіе является по свойству этого сознательнаго процесса уловкой психики, что ясно вытекаетъ изъ анализа переоцѣненныхъ идей, мечтаній и галлюцинацій [2]) и особенно анализа психозовъ. Каждое сознательное проявленіе психики указываетъ намъ поэтому на безсознательную, фиктивную конечную цѣль совершенно такъ же, какъ и безсознательное побужденіе, если только его вѣрно понимать. Дешевыя разсужденія о „поверхностномъ сознаніи" могутъ обмануть только того, кто еще не знаетъ этой связи. Частая противоположность сознательныхъ и безсознательныхъ побужденій—не больше, какъ противоположеніе средствъ достиженія конечной цѣли возвышенія своей личности, достиженія фиктивной цѣли уподобленія божеству, но это имѣетъ побочное значеніе.

Эта конечная цѣль и ея всякое преувеличенное превращеніе должны оставаться въ безсознательномъ, если по своему явному противорѣчію съ реальностью они дѣлаютъ невозможнымъ движеніе по невротической руководящей линіи. Тамъ, гдѣ сознаніе необходимо какъ средство къ жизни, какъ защита единства личности и личнаго идеала, оно является въ соотвѣтствующей формѣ и объемѣ. Даже фиктивная цѣль, невротическій планъ жизни можетъ частично вступить въ сознаніе, если это способствуетъ возвышенію чувства личности. Такъ бываетъ особенно въ психозѣ. Но какъ только невротическая цѣль поднимается черезъ осознаніе, она созидаетъ свой жизненный планъ изъ безсознательнаго.

Эти данныя, взятыя изъ невротическихъ явленій, находятъ себѣ подтвержденіе въ выводахъ, вытекающихъ—если и не высказанныхъ—изъ ученія Vaihinger'a о сущности фикціи [3]). Въ грандіозномъ синтезѣ этотъ геніальный изслѣдователь охватываетъ сущность мышленія, какъ средство завоеванія жизни, стремящееся къ достиженію цѣли вмѣстѣ съ уловками фикціи, т. е. идеи теоретически негодной, но прак-

---

[1]) Paul Schrecker, Bergson's Philosophie der Persönlichkeit E. Reinhardt. München, 1912.

[2]) Adler, Neurologische Betrachtung über Berger's „Hofrat Eysenhardt". Zeitschr. f. med. Psychol. und Psychot. 1913 (появится въ непродолжительномъ времени).

[3]) Vaihinger, Die Philosophie des Als—Ob. Reuter u. Reichardt, Berlin, 1911.

тически необходимой. Если необходима была сначала эта глубокая концепція сущности фикціи, чтобы вполнѣ ознакомить насъ съ уловками нашего мышленія—воззрѣніе, которое преобразуетъ соотвѣтствующимъ образомъ нашъ взглядъ на міръ—то самый фактъ „открытія“ уже показываетъ, что даже руководящая фикція принадлежитъ безсознательному, и что, всплывая въ сознаніе, она можетъ оказаться отчасти излишней, отчасти мѣшать достиженію цѣли.

Психотерапія, основываясь на этомъ фактѣ, вызываетъ руководящія идеи величія въ сознаніе и такимъ образомъ лишаетъ ихъ вліянія на дѣйствованіе. Въ соотвѣтствіи съ этимъ, въ дальнѣйшемъ, должна быть указана ложность взгляда, что только безсознательныя руководящія идеи личности дѣлаютъ вполнѣ возможной невротическую систему [1]).

I. Племянница паціентки отказывается отъ службы въ ея магазинѣ. Паціентка встревожна, что ее никто не сумѣетъ замѣнить, хотя раньше оцѣнивала ее очень невысоко. Она жалуется, что не управится одна, сомнѣвается, можно-ли взять ту или другую особу. Мужчина не подходитъ. Барышни всѣ—попугаи. Только и слышишь: «я, я, я»! и «если-бы меня не было»....

Дама страдаетъ боязнью пространства. Это означаетъ: она не можетъ выйти. Конечно, какъ-же она можетъ выйти, если она постоянно „должна стоять за прилавкомъ“. Она защищаетъ себя боязнью пространства, чтобы оставаться дома и показать, что она не замѣнима. Она страдаетъ болями въ ногахъ. Ежедневно принимаетъ 3, 4, 5 грам. аспирина. Ночью часто просыпается отъ боли, принимаетъ порошокъ, размышляетъ о своихъ торговыхъ дѣлахъ, и такъ по нѣскольку разъ за ночь. Ея боли появляются, чтобы дать ей возможность и по ночамъ думать о своемъ дѣлѣ. Напряженная идея величія этой паціентки, желаніе быть мужчиной, королевой, всюду быть первой, оказываетъ вліяніе, пока остается подъ сознаніемъ. Дѣтскія воспоминанія о преимуществахъ мальчиковъ согласуются съ ея теперешними взглядами на малоцѣнность женщины.

II. Сновидѣніе 26-лѣтней дѣвушки, страдавшей вспышками неистовства, мыслями о самоубійствѣ, стремленіемъ убѣжать. „Мнѣ снилось, что я замужемъ. Мой мужъ черный,

---

[1]) Противорѣчіе съ пониманіемъ Freud'a очевидно. Связь этого воззрѣнія съ симптомомъ Ganser'a требуетъ еще разсмотрѣнія.

средняго роста господинъ. Я говорю: если ты не поможешь мнѣ достичь моей цѣли, я употреблю всѣ средства добиться своего противъ твоей воли".

Безсознательная цѣль паціентки создалась въ дѣтствѣ: желаніе превратиться въ мужчину (см. Каинъ, Овидій) [1].

Въ дѣтствѣ эта цѣль не была безсознательной, хотя для маленькой дѣвочки она не имѣла того значенія, которое мы видимъ теперь. Лучше сказать: психологическое и соціальное значеніе ея не могло быть понято ребенкомъ съ полной ясностью. Но она обнаруживала себя въ особенной, чрезмѣрной шаловливости, въ настойчивомъ стремленіи носить мужское платье, лазять на деревья, въ играхъ выбирать мужскія роли, мальчикамъ назначать женскія роли, чтобы строже выдержать принципъ метаморфозы.

Наша паціентка была умнымъ ребенкомъ и скоро поняла, что ея руководящая фикція не осуществима. Тогда произошло слѣдующее: 1. Фикція получила новую форму и теперь гласила: Всѣ должны меня баловать. Переводя на линію силы: я должна надъ всѣми властвовать, привлекать къ себѣ общій интересъ. 2. Она забыла, вытѣснила свою первоначальную руководящую идею—съ тѣмъ, чтобы сохранить ее и впослѣдствіи. Эта уловка психики имѣетъ необыкновенно важное значеніе. Едва-ли нужно упоминать, что здѣсь нѣтъ рѣчи ни о вытѣсненіи сексуальныхъ побужденій, ни о «комплексѣ» въ безсознательномъ, но только о безсознательныхъ стремленіяхъ къ власти, отвѣтвляющихся отъ руководящаго личнаго идеала, о фикціяхъ, которыя въ собственныхъ интересахъ должны задерживаться и не примѣняться сознательно, чтобы избѣжать провѣрки и какого либо ущерба. Такъ защищаетъ себя личный идеалъ, чтобы не быть разгаданнымъ, чтобы не погибло вмѣстѣ съ тѣмъ особенно желанное и жизненно необходимое единство личности: укрываніемъ своихъ фикцій, убѣгающихъ отъ сознанія!

III. Сновидѣніе паціента, котораго я лечилъ отъ покушеній на самоубійство, отъ неприспособленности, неловкости, садистическихъ фантазій и перверзій, навязчивой мастурбаціи и идей преслѣдованія.

„Я сообщаю моей тетушкѣ, что съ г-жей Р. теперь я

---

[1]) Этимъ важнымъ указаніемъ я обязать проф. Oppenheim'у въ Вѣнѣ.

покончилъ: я знаю всѣ ея хорошія и дурныя черты характера, и перебираю ихъ. Тетушка возражаетъ: ты забылъ объ одной— о властолюбіи". Тетушка—находчивая, нѣсколько насмѣшливая женщина. Г-жа Р. вела съ паціентомъ игру, чѣмъ довела его до бѣшенства. Своей манерой держать себя, она показывала, что не высоко его цѣнитъ, и отталкивала, чтобы черезъ нѣкоторое время снова привлечь къ себѣ. Униженіе чувствовалось паціентомъ, конечно, сильнѣе. Оно служило, какъ для большинства невротиковъ ихъ пораженія, только поводомъ къ тому, чтобы уцѣпиться за это дѣло, перевернуть его и придти къ господству надъ положеніемъ. Раздраженное, приподнятое чувство малоцѣнности ищетъ сверхъ-компенсаціи и—типичная черта невротиковъ—такіе паціенты никогда не могутъ отдѣлаться отъ людей, которые подготовили ихъ пораженіе. Пониманіе такихъ характеровъ вскрываетъ для насъ всю тайну невроза.

Въ литературѣ подобныя черты оцѣниваются какъ мазохистическія. Въ своей работѣ о «Психическомъ леченіи невралгіи тройничнаго нерва» я почти выяснилъ это сбивающее съ толку заблужденіе; можно говорить развѣ только о псевдомазохистическихъ чертахъ. Такъ какъ они служатъ, подобно садизму, стремленію къ превосходству, кажутся только противорѣчивыми, амбивалентными, пока не выяснено, что обѣ жизненныя формы одинаково стремятся къ одной и той-же цѣли. Они противорѣчивы только для наблюдателя, но не для больного и не съ точки зрѣнія правильно понятаго невротическаго плана жизни.

У паціента была необыкновенно большая склонность къ аналитическому наблюденію міра и людей. Какъ часто эта черта исходитъ изъ сильной тенденціи къ обезцѣниванію. Анализирующій невротикъ поступаетъ буквально по девизу: divide et impera! Онъ разрушаетъ дѣйствительныя цѣнности и сохраняетъ себѣ ничего не стоющую смѣсь шаблоновъ. Ecce homo! Но развѣ это настоящій человѣкъ? Настоящая, жизненная психика? Паціентъ самъ могъ-бы быть такимъ-же насмѣшливымъ, какъ тетушка. Но у него всегда находятся только запоздалыя остроты и никогда нѣтъ на готовѣ остроумнаго отвѣта. Этой «задерживающей привычкой» онъ обязанъ, конечно, своему жизненному плану, который вынуждаетъ его давать каждый разъ такой отвѣтъ, который-бы уничтожилъ «противника»—онъ видитъ его въ каждомъ человѣкѣ—

или совсѣмъ не давать никакого отвѣта, или отвѣтить настолько неудовлетворительно, что самъ онъ и его близкіе получаютъ впечатлѣніе: съ нимъ надо обходиться деликатно, такъ или иначе помогать ему.

Наканунѣ сновидѣнія паціентъ былъ подъ впечатлѣніемъ разговора со старшимъ братомъ, передъ которымъ онъ никогда не чувствовалъ себя взрослымъ. Братъ обѣщалъ ему еще разъ похлопотать о немъ и въ послѣдній разъ устроить его на мѣсто. Сводить къ нулю такія попытки старшаго брата было прямо спеціальностью нашего паціента. Его леченіе оказалось необходимымъ вслѣдствіе сдѣланной имъ попытки къ самоубійству, сейчасъ-же послѣ того, какъ онъ благодарилъ брата за полученное черезъ него мѣсто.—Однажды, когда братъ дѣлалъ ему упреки за неряшливую одежду, онъ видѣлъ во снѣ, что у него новое платье, которое онъ облилъ чернилами. Зная психическую ситуацію паціента, легко понимать и его сновидѣнія, не затрачивая большихъ усилій на толкованіе ихъ. Мы видимъ, что мысли и антицептированныя дѣйствія направлены къ тому, чтобы унизить значеніе брата и потихоньку, изъ за спины, поднять свое вліяніе, свою дѣятельность. При этомъ нашъ паціентъ строгій этикъ и моралистъ. Такимъ образомъ, направленная противъ брата тенденція обезцѣниванія работаетъ скрыто, такъ сказать, въ безсознательномъ. Тѣмъ не менѣе она добивается большаго, чѣмъ могла бы достичь въ сознаніи!

Откуда она явилась, не трудно сказать: это—потомокъ раздутой идеи величія паціента. Почему она работаетъ въ безсознательномъ? Потому что только тамъ она можетъ вообще работать! Потому что сознательнымъ, унижающимъ и позорящимъ волевымъ актомъ личному идеалу нашего паціента былъ бы нанесенъ ущербъ, паціентъ чувствовалъ-бы себя малоцѣннымъ. Отсюда и окольные пути, отсюда и черты безпомощности и неприспособленности, тонкости и ухищренія малоцѣнности, которая испытывается паціентомъ въ дѣятельности и въ жизни! Отсюда попытка къ самоубійству въ крайнемъ случаѣ и тайная угроза повторенія этого, чтобы усилить давленіе на своего брата! Чтобы увеличить его хлопоты, чтобы лишить его ожидаемыхъ результатовъ его стараній!

Отсюда мы дѣлаемъ практически чрезвычайно важный выводъ: мы можетъ разсматривать дѣйствія невротика такъ, какъ будто-бы онъ сознательно подчинялся опредѣленной

цѣли. И мы можемъ пока сдѣлать такое заключеніе: безсознательность фикціи, или морализирующаго переживанія, или воспоминанія является уловкой психики, когда угрозой чувству личности и единству личности является процессъ ихъ осознанія.

«Не забывайте о властолюбіи!»—Таково мое предостереженіе паціентамъ. Я буду поставленъ въ сновидѣніи на одну линію съ тетушкой, такъ-же какъ братъ—съ г-жей Р., которая всегда сильнѣе. Это приведеніе двухъ мужчинъ въ положеніе женщины происходитъ подъ вліяніемъ того-же импульса обезцѣниванія, о которомъ шла рѣчь выше. Но паціентъ дѣлаетъ себѣ во снѣ поученіе словами тетушки, т. е. моими словами, что было раньше моей задачей и должно быть важнѣйшей задачей вообще для психотерапевтовъ. Въ настоящемъ стадіи невроза мы видимъ: на униженіе, испытанное передъ братомъ, онъ отвѣчаетъ обезцѣниваніемъ брата. Тогда онъ призываетъ себя къ порядку, какъ дѣлалъ это раньше я.

На слѣдующій день онъ написалъ сестрѣ письмо, которое онъ раньше откладывалъ. Онъ въ первый разъ открыто жалуется на высокомѣріе брата. Въ заключеніе онъ все таки прибавляетъ, что она можетъ письмо сохранить въ тайнѣ. Открытая борьба казалась ему еще тяжела, потому что она обнаружила-бы тайное властолюбіе паціента.

Перев. Н. В.

Къ вопросу о факторахъ, сущности и терапіи психоневрозовъ.

А. Б. Залкинда.

Къ основнымъ вопросамъ въ области психоневрозовъ относятся все тѣ же факторы, вызывавшіе и посейчасъ вызывающіе вокругъ себя ожесточенные споры: роль общей и спеціальной наслѣдственности, вліяніе специфической конституціи, значеніе воспитанія и другихъ внѣшнихъ психическихъ агентовъ, роль отдѣльныхъ механизмовъ въ болѣзни, значеніе привходящихъ соматическихъ явленій и пр. Вѣдь психоневрозомъ, въ отличіе отъ другихъ нервныхъ и соматическихъ страданій, условились считать всѣ явленія въ нервно-психической, а какъ рефлексъ отсюда,—и въ соматической сферѣ,—обусловленныя моментами психогеными. Но, если еще можно сомнѣваться въ правильности классификаціи отдѣльныхъ психоневрозовъ,—все же въ вопросѣ о выдѣленіи

спеціальной группы «Психоневрозы» изъ калейдоскопа первичныхъ соматическихъ или настоящихъ душевныхъ болѣзней мы не такъ безсильны. Быть можетъ, мы не имѣемъ еще права считать опредѣленный психоневрозъ отдѣльной нозологической единицей, ибо слишкомъ пока хрупко обоснована дифференцировка различныхъ психоневрозовъ, но зато мы все же можемъ смѣло въ извѣстномъ рядѣ явленій заявить: «здѣсь имѣемъ психоневрозъ, а не соматическое, или душевное заболѣваніе», или же: «данный рядъ симптомовъ сложнаго, комбинированнаго заболѣванія, выдѣленный изъ массы другихъ, соматогенныхъ явленій, относится къ сферѣ психоневрозовъ». Подобная постановка вопроса, къ сожалѣнію, слишкомъ часто игнорируемая внутренней и вообще соматической медициной, должна играть грандіозную роль въ дѣлѣ распознаванія и индивидуальной терапіи сложной болѣзни. Лишь при этомъ условіи мы научимся лечить не только «симптомы и симптомчики» («Symptomchen» по Erb'у) заболѣванія, но и всего больного цѣликомъ. Слѣдовательно, вопросъ о психоневрозахъ далеко не касается исключительно психопатологіи, онъ массу непрерывныхъ, путеводныхъ нитей содержитъ и въ общей медицинѣ, и въ психіатріи. А потому, затрагивая эту область, намъ нерѣдко придется тревожить и пограничныя, смежныя владѣнія.

Повидимому, люди могутъ рождаться уже съ готовой манерой воспріятій и реакцій, а потому, если эта манера больше способствуетъ развитію въ однихъ случаяхъ психоневрозныхъ явленій, ясно, что нѣкоторые уже при рожденіи сильнѣе склонны заболѣть психоневрозомъ, чѣмъ другіе. Родители съ хроническими конституціональными болѣзнями, душевно больные, невропаты имѣютъ, конечно, больше другихъ шансовъ—получить дѣтей психоневротиковъ. Здѣсь, какъ мы ниже увидимъ, не можетъ быть рѣчи о какой-либо передачѣ специфической конституціи, по крайней мѣрѣ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ,—но, понятно, тутъ, какъ и всюду, наслѣдственное обремененіе понижаетъ общую сопротивляемость человѣка по отношенію къ патогеннымъ факторамъ и тѣмъ приближаетъ личность къ заболѣванію психоневрозомъ,—такъ же, какъ и всякой другой болѣзнью. Повидимому, у психоневрозовъ съ нервно-мозговой наслѣдственностью связь не болѣе близка, чѣмъ съ соматической наслѣдственностью: и статистика, и частный опытъ показываютъ, что психоневротики могутъ имѣть душевно- и

нервно-больныхъ отцовъ такъ же часто, какъ и туберкулезныхъ. Могутъ, конечно, быть у нихъ и совсѣмъ здоровые предки. Я потому лишь затрагиваю здѣсь этотъ избитый вопросъ объ общей наслѣдственности, что въ послѣдніе годы Stekel отъ имени Freud'овской школы единственнымъ этіологическимъ моментомъ психоневроза признаетъ душевный конфликтъ, абсолютно отрицая при этомъ роль наслѣдственности, забывъ, вѣроятно, что сила, патогенная роль конфликта обусловлена главнымъ образомъ не содержаніемъ его, а степенью индивидуальной чувствительности больного. Таковая же наслѣдственность значительно усугубляется.

Одинаковый конфликтъ можетъ убить больного А. и онъ же лишь коснется, не оставивъ слѣда на Б.

Эмпирическій законъ гласитъ: повышенная чуткость психическихъ реакцій способствуетъ назрѣванію конфликтовъ,— т. е. и психоневроза; чуткость же эта чаще всего дѣло наслѣдственности.

Итакъ, повидимому, вопросъ относительно общей наслѣдственности разрѣшается не очень сложно. Зато, неизмѣримо труднѣе въ сферѣ психоневрозовъ выяснить роль специфическаго, конституціональнаго расположенія. Существуютъ ли такія заболѣванія, которыя въ слѣдующихъ поколѣніяхъ больше другихъ имѣютъ шансовъ на созданіе именно психоневроза, если не влекутъ его за собою обязательно? Долженъ ли, можетъ ли самъ психоневрозъ передаваться по наслѣдству непосредственно, въ видѣ готовой ли болѣзни, или спецефическаго конституціональнаго расположенія? На первый вопросъ приходится отвѣтить отрицательно. Какъ я уже говорилъ, и мозговые, и соматическіе больные одинаково часто могутъ имѣть дѣтей психоневротиковъ, такъ какъ и тѣ, и другіе въ одинаковой степени понижаютъ сопротивляемость нервно-психической сферы. Съ этимъ вполнѣ согласуется и современное соматическое воззрѣніе на душевныя болѣзни, какъ на страданія всего организма. Не замѣчено, чтобы дементные, параноики, меланхолики создавали психоневротиковъ чаще, чѣмъ туберкулезные, артритическіе родители. Вопросъ же о непосредственной передачѣ болѣзни или конституціи—сложнѣе. Конечно, обязательной связи здѣсь быть не можетъ, такъ какъ мы знаемъ рядъ случаевъ, гдѣ истерики, психастеники имѣли и нервно-здоровыхъ дѣтей, и кататониковъ, и циклотимиковъ. Но, что, повидимому, подобная связь возможна иногда,—это несомнѣнно. Встрѣ-

чаются изрѣдка цѣлыя поколѣнія «истериковъ», «психастениковъ», хотя къ подобнымъ «семейнымъ» психоневрозамъ приходится относиться особенно осторожно въ силу возможной психической заразы, подражанія, внушенія, воспитанія. Но все же, несомнѣнно, подобные примѣры существуютъ. Что же именно передается здѣсь по наслѣдству,—разлитое ослабленіе нервно-психической сферы, располагающее къ нервно-психическому заболѣванію вообще, или же специфическая почва, на которой далѣе жизнь фатально, обязательно выкраиваетъ психоневрозъ, или же самый психоневрозъ рождается готовымъ вмѣстѣ съ человѣкомъ? Рамки этихъ вопросовъ приходится расширить, поставивъ ихъ такъ: 1) существуетъ ли вообще врожденный психоневрозъ? 2) можно ли допустить наличность какой-то специфической конституціи, влекущей именно къ заболѣванію психоневрозомъ, а не иной формой нервно-психическаго страданія? Для разрѣшенія всѣхъ этихъ пунктовъ необходимо силою вещей выяснить вопросъ о самой сущности психоневрозовъ: представляютъ ли они собою нѣчто опредѣленное? имѣется ли у нихъ какой-нибудь специфическій, отчетливый фонъ, характерный именно для этого заболѣванія? Существуетъ ли у нихъ спеціальная система готовыхъ фатально развивающихся механизмовъ и симптомовъ? Повидимому, опытъ понуждаетъ отвѣтить на эти вопросы утвердительно лишь въ небольшомъ числѣ особенно яркихъ, красочныхъ, классическихъ случаевъ, гдѣ отъ перваго дня рожденія, плавно и четко, какъ по писанному, выявляетъ себя какая-то непреложная способность психики творить извѣстныя, опредѣленныя состоянія, какъ-бы по заранѣе предрѣшенной программѣ. Вѣдь, поскольку наука пытается робко разобраться въ различіи отдѣльныхъ психоневрозовъ и классифицировать послѣдніе,—попытки эти сейчасъ привели къ допущенію трехъ или двухъ формъ заболѣванія: истерія и психастенія—по однимъ; истерія и неврастенія—по другимъ; истерія, психастенія и неврастенія—по третьимъ. Но, къ сожалѣнію, лишь въ ничтожномъ рядѣ примѣровъ можемъ мы съ первыхъ дней отмѣтить назрѣваніе одного изъ этихъ опредѣленныхъ психоневрозовъ. Какъ часты наши разочарованія, когда, ожидая по ходу развитія психики появленія «истерическихъ» симптомовъ, мы неожиданно наталкиваемся на состоянія, характерныя, по теоріи, только для «психастеніи». Слишкомъ не рѣдки спутанныя комбинаціи обоихъ этихъ психоневрозовъ, поскольку мы понимаемъ ихъ

по современнымъ доктринамъ. Неоднократно встрѣчаются случаи, гдѣ, какъ-бы по конституціональному року, растутъ какія-то специфическія явленія, вотъ-вотъ дающія скоро картину классической, ярко выраженной болѣзни,—и вдругъ, какъ по мановенію жезла, почему-то этотъ процессъ останавливается, человѣкъ теряетъ въ одинъ—два года свои психоневрозные блики, и дѣлается здоровымъ, иногда болѣе здоровымъ, чѣмъ окружающіе его. Отмѣчаются примѣры пышнаго, специфическаго фона,—и на почвѣ его лишь небольшое, неяркое заболѣваніе. А какъ объяснить намъ случаи, гдѣ, имѣя въ дѣтствѣ характерныя истерическія или психастеническія явленія,—къ 14-ти годамъ мы видимъ dementiam praecox. Какъ подойти къ тѣмъ больнымъ, которые, не обладая въ психикѣ никакими данными для болѣзни, вдругъ получаютъ тяжелыя, навязчивыя состоянія? Можно ли при этихъ условіяхъ находить у психоневротиковъ обязательную, стройную конституцію, закономѣрно творящую болѣзнь? По-видимому, общимъ психоневрознымъ фономъ приходится считать нѣкоторую повышенную способность индивидуума къ отклоненіямъ въ области нервно-психическаго функціонированія. Отклоненія эти могутъ быть изрѣдка специфическими, подчиняясь болѣе или менѣе опредѣленнымъ механизмамъ и развиваясь постепенно въ ясно выраженную форму одной какой-либо разновидности психоневрозовъ. Въ подавляющемъ же большинствѣ случаевъ, подобнаго отчетливаго направленія въ теченіи болѣзни усмотрѣть не удается, и картина страданія либо остается разлитой, неоформленной, либо, если и прорѣзается нѣсколькими, болѣе рѣзко и четко очерченными симптомами, то все же не исчерпываетъ ими главную суть заболѣванія, а потому не можетъ быть вложена въ рамки опредѣленнаго діагноза. Что же именно будемъ мы считать доказательнымъ для діагносцированія хотя бы истерической или психастенической конституціи? Специфическія ли свойства характера, типы ли интеллектуальныхъ процессовъ, или же содержаніе, симптомы припадковъ у готовой, назрѣвшей болѣзни? По Janet, творцу одной изъ господствующихъ доктринъ о психоневрозныхъ конституціяхъ, всѣ эти элементы совпадаютъ, сливаются воедино и всѣ являются непреложными компонентами болѣзни: тамъ, гдѣ имѣется истерическій душевный фонъ, истерическій характеръ, тамъ и припадки болѣзни будутъ истерическими съ одной, лишь имъ свойственной конструкціей механизмовъ, подробно и тонко разработан-

ной Janet. При психастеніи—тоже свое,—и въ характерѣ, и въ припадкахъ болѣзни. Но такъ ли это? Тому ли учитъ насъ повседневная жизнь, практическій опытъ, и что же въ концѣ концовъ считать характернымъ, отличительнымъ для припадковъ истеріи хотя бы, въ противовѣсъ другому неврозу? Сумеречныя состоянія, параличи, контрактуры? А для психастеніи—навязчивыя состоянія, фобіи? Но какъ же совмѣстить при этомъ одновременное существованіе у нѣкоторыхъ больныхъ обоихъ указанныхъ типовъ припадковъ? Если можно признать здѣсь комбинацію изъ двухъ разныхъ формъ болѣзни, то какъ, въ такомъ случаѣ, разрѣшить вопросъ діагноза при наличности тяжелыхъ, специфическихъ навязчивыхъ состояній, какъ главнаго явленія назрѣвшей болѣзни, у человѣка съ характерными, типичными, разлитыми «истерическими» стигматами, — и наоборотъ, острыхъ истерическихъ явленій при «психастеническомъ» фонѣ? Вѣдь, если полагать, что болѣзнь, припадки ея вытекаютъ изъ основныхъ, конституціональныхъ свойствъ личности, что патологическіе механизмы суть результатъ опредѣленнаго конструированія психики,—какъ примириться намъ съ такими противорѣчивыми совмѣщеніями? Не объясняется ли это попросту тѣмъ, что вопросъ объ идентичности характера, фона душевнаго—съ послѣдующимъ развитіемъ болѣзни разрѣшился положительно слишкомъ рано. Повидимому, идентичность эта—явленіе довольно рѣдкое. Или же ошибка здѣсь заключается въ томъ, что пока еще вообще недостаточно данныхъ для классифицированія специфическаго характера, а потому, понятно, искусственно созданныя границы такъ часто расплываются.

Резюмируя все вышесказанное, намъ нужно придти къ слѣдующему: существуетъ общій психоневрозный фонъ, какъ болѣе или менѣе разлитая способность къ развитію отклоненій отъ нервно-психической нормы. Эта способность можетъ оставаться разлитой, неоформленной, не выявляясь въ видѣ обязательнаго, опредѣленнаго психоневроза, можетъ не прогрессировать вообще, можетъ исчезнуть даже. Въ иныхъ случаяхъ человѣкъ, обладающій этой способностью, дѣлается душевно-больнымъ,—и въ данномъ фактѣ общій фонъ, повидимому, былъ предтечей заболѣванія. Наконецъ, въ слѣдующемъ рядѣ примѣровъ, онъ можетъ постепенно выясняться все болѣе рѣзко, отчетливо, давать болѣе или менѣе густо отграниченныя черты, окрашивая психику въ до извѣстной степени специфическіе цвѣта, сначала расплывчатые (въ боль-

шинствѣ, вообще всегда расплывчатые), а потомъ иногда все болѣе и болѣе опредѣленные—до преобладанія одного какого-либо основного тона. Въ опытѣ рѣзкое доминированіе одной основной краски встрѣчается довольно таки рѣдко, и только въ этихъ случаяхъ приходится говорить о яркой специфической конституціи. Въ подавляющемъ же большинствѣ мы имѣемъ лишь сложные, психологическіе профили съ нѣкоторымъ преобладаніемъ въ нихъ одного или двухъ болѣе опредѣленныхъ оттѣнковъ,—это и есть рядовые случаи психоневрозовъ.

Но, если приходится cum grano salis относиться къ специфичности нервозныхъ конституцій,—все же съ несравненно большимъ удовлетвореніемъ мы можемъ констатировать подчасъ очень стройную закономѣрность въ ходѣ развитія отдѣльныхъ психологическихъ механизмовъ невроза. И здѣсь намъ поможетъ какъ общая психологія со своими формальными законами душевныхъ процессовъ, такъ и спеціальная частная психопатологія нервозныхъ механизмовъ, разработанная главнымъ образомъ Freud'овской школой. Для продуктивнаго пользованія обоими этими источниками необходимо заключить между ними союзъ—по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ компромиссъ возможенъ. Иначе получится и у насъ то же, что происходитъ съ Freud'іанцами съ одной стороны, и съ олимпійцами современной психологіи—съ другой. Первые, въ пылу увлеченія своею доктриной, стремясь фанатически ею и только ею все объяснить, доказать, допускали натяжки, рискованныя схематизаціи и обобщенія, игнорируя, въ силу своего экстаза, иногда элементарныя требованія логики, отвергая или по просту не замѣчая самыя устойчивыя, вѣками завоеванныя позиціи господствующей психологической науки. Зато, представители послѣдней, въ свою очередь, привыкнувъ къ опредѣленному, тяжкимъ опытомъ добытому методу изысканій, оскорбленные въ самой основѣ своей научной работы, и слышать не хотятъ о новой теоріи, презрительно отворачиваясь отъ нея, не потрудившись даже передъ тѣмъ основательно съ нею познакомиться. Между тѣмъ, однимъ у другихъ есть много, чему поучиться. Къ счастью, у насъ въ Россіи, въ тѣхъ немногихъ попыткахъ самостоятельно разобраться въ Freud'овскихъ схемахъ, которыя мы прослѣдили въ теченіе послѣднихъ лѣтъ, замѣчается благородный, цѣнный импульсъ поставить Freud'овское ученіе на единственно подходящую, обще-пси-

хологическую почву, ибо творцамъ этихъ попытокъ ясно, конечно, что только при разумномъ компромиссѣ смогутъ развиваться дальше хрупкія новыя теоріи. Повидимому, въ концѣ концовъ, если изученіе характера, конституціи больного всего чаще не можетъ намъ объяснить сущность страданія, тѣмъ самымъ волей-неволей мы принуждены будемъ подойти непосредственно къ истолкованію тѣхъ отдѣльныхъ, основныхъ симптомовъ, которые составляютъ индивидуальную сущность именно даннаго случая, а, значитъ, и къ анализу частныхъ механизмовъ, создавшихъ эти симптомы именно у нашего больного. То есть, не ограничиваемся изученіемъ болѣзни, а изучаемъ всего больного цѣликомъ, ибо ясно, конечно, что одинаковыя явленія могутъ быть вызваны различными моментами у нѣсколькихъ людей. Значитъ, больной находится передъ нами, не какъ схематизированный психологическій типъ, а какъ живая сущность, какъ отдѣльная индивидуальная личность со своими, одной лишь ей принадлежащими, механизмами заболѣванія. И это—методъ, безъ котораго понять психоневротика нельзя.

Но несмотря на необходимость тонкой индивидуальной системы изученія больного, мы не можемъ и не должны отвергать нѣкоторыя общія условія, подчиняющія развитіе отдѣльныхъ симптомовъ болѣзни болѣе или менѣе опредѣленному типу, такъ какъ извѣстные законы нормальной душевной жизни помогутъ нашему пониманію и въ области болѣзненныхъ процессовъ. Кромѣ того, не будемъ мы отрицать подчасъ, пожалуй, специфическую роль въ дѣлѣ созданія больныхъ механизмовъ у нѣкоторыхъ отдѣльныхъ патогенныхъ факторовъ. Иными словами, въ угоду тонкой индивидуализаціи, мы не поступимся все же и тѣми обобщеніями, тѣми синтетическими схемами, которыя являются результатомъ изученія человѣческой души цѣликомъ, какъ въ здоровомъ, такъ и въ больномъ состояніи. Изучая психо-невротика, мы видимъ передъ собою больную человѣческую душу вообще и данную индивидуальность, личность, въ частности. Это облегчитъ намъ трудъ, такъ какъ иначе, отвергая всякія общія указанія,—въ дѣлѣ кропотливаго, исключительно индивидуальнаго анализа, мы окажемся совершающими Сизифову работу.

Слѣдовательно, сейчасъ высказавшись о конституціи, мы приблизились къ вопросу, существуютъ ли помимо ея другіе факторы, закономѣрно способствующіе развитію какъ

общей картины невроза, такъ и отдѣльныхъ проявленій его. Здѣсь на очереди—проблема сексуальнаго, роль воспитанія и пр., и пр.

Въ настоящее время жгучимъ сталъ вопросъ о значеніи половой жизни въ области психоневрозовъ.

Freud'овская школа выдвигаетъ ее, какъ первоисточникъ всѣхъ страданій невротика. Въ основѣ болѣзни Freud видитъ тяжелый душевный конфликтъ, обусловленный несовмѣстительностью психо-сексуальныхъ влеченій его съ остальнымъ душевнымъ status'омъ.

Всѣ религіозныя, моральныя и иныя переживанія, по Freud'у,—суть лишь вторичныя продукціи все того-же основного, сексуальнаго фона. Весь обликъ душевной личности человѣка выкроенъ по масштабу его сексуальнаго „я". Индивидуальныя сексуальныя реакціи, намѣчающіяся съ первыхъ же дней, индивидуальное направленіе въ развитіи „эрогенныхъ зонъ" предопредѣляютъ по Freud'у всю будущую манеру чувствованій каждаго человѣка, весь его интеллектуальный и моральный habitus. Отсюда ясенъ и выводъ: если въ основѣ невроза лежитъ душевный конфликтъ, глубокій и тяжелый,—значитъ, онъ долженъ исходить изъ доминирующаго фактора всей психической жизни, т. е. изъ сексуальнаго. Повидимому, Freud'омъ въ его теоріи не приняты во вниманіе: ни существованіе и значеніе другихъ инстинктовъ, кромѣ сексуальнаго,—питанія, самосохраненія, соціальнаго—факторовъ не менѣе важныхъ для жизни индивидуума, чѣмъ половой, а можетъ быть, даже болѣе важныхъ. Игнорируется имъ также и то признанное явленіе въ человѣческой психикѣ, что извѣстный складъ эмотивныхъ реакцій, извѣстная общая манера воспріятій, рефлексовъ рождается вмѣстѣ съ личностью до появленія какихъ бы то ни было первичныхъ „эрогенныхъ" моментовъ. Забывается, что эта врожденная, индивидуальная манера властвуетъ надъ всѣми дальнѣйшими продукціями душевной жизни, надъ силой и направленіемъ отдѣльныхъ инстинктовъ и комбинацій ихъ. Не учитывается, что при столкновеніи съ факторами изъ внѣшней дѣйствительности, этотъ синтезъ индивидуально развивающихся инстинктовъ, эмоцій, воззрѣній можетъ настолько сильно измѣнить, извратить первичное направленіе эро-чувственнаго склада, что отъ него камня на камнѣ не останется. Всѣ біологическія зоны, на которыя указываетъ Freud, характеризуютъ лишь собою индивидуальную сексуальную конституцію, но никакихъ

указаній не даютъ для пониманія причинъ невроза. Сущность душевнаго конфликта вытекаетъ вѣдь не изъ того, въ прямой ли кишкѣ или на губахъ концентрируется у больного главная масса эротическихъ ощущеній. При дальнѣйшемъ развитіи, какъ намъ извѣстно, это размѣщеніе подвергается значительнымъ трансформаціямъ. Какъ біологическій факторъ, какъ конгломератъ извѣстныхъ біологическихъ зонъ, сексуальность одна не создастъ невроза. Надо, что-бы назрѣла борьба между сексуальными влеченіями и остальнымъ душевнымъ міромъ больного, а это возможно при всякой, даже архинормальной половой конструкціи. Наоборотъ, рѣдки развѣ случаи, гдѣ при самыхъ извращенныхъ сексуальныхъ складахъ, если больной, по условіямъ воспитанія или инымъ причинамъ, не испытываетъ отъ этого ни нравственнаго, ни другого неудобства,—неврозъ можетъ миновать его совершенно. Значитъ, вопросъ здѣсь не въ томъ, какъ комбинируются различныя зоны полового „я" больного, а въ индивидуальныхъ условіяхъ общепсихическаго развитія его, въ общемъ его міровоззрѣніи, въ морали, въ жизненныхъ интересахъ его. Вотъ въ этихъ факторахъ лежитъ причина того, почему одна и та же психосексуальная складка встрѣчается хозяевами въ разныхъ случаяхъ совсѣмъ неодинаково,—а часто даже у одного и того же человѣка, но въ различные моменты его душевной жизни, реакція на идентичныя половыя явленія бываетъ діаметрально противоположна. Условія же созданія невроза,—не въ этихъ половыхъ проявленіяхъ, а въ реакціяхъ личности на нихъ. Послѣднія же вырабатываются всѣми факторами душевной жизни человѣка, какъ и было выше указано; между прочимъ, конечно, и сексуальнымъ.

Не суксуальная конституція, а сексуальная мораль—вотъ гдѣ источникъ невроза (въ тѣхъ случаяхъ, конечно, гдѣ основа у него—сексуальная; есть, какъ увидимъ ниже, и другія основы). Сексуальная мораль, значитъ, общая мораль, общій моральный складъ личности, ибо сексуальное—лишь равноправный компонентъ, равноцѣнный съ другими источникъ морали общей. Общая мораль,—значитъ весь душевный складъ человѣка, всѣ его чувствованія, воззрѣнія. Человѣкъ болѣетъ неврозомъ, какъ цѣлая личность, а не какъ сексуальный типъ. Если въ общей его душевной жизни самымъ слабымъ мѣстомъ является сексуальная область, тогда она и играетъ особо важную роль въ развитіи невроза, но только до тѣхъ поръ, пока она остается слабымъ мѣстомъ. Такимъ же сла-

бымъ мѣстомъ можетъ быть и соціальная совѣсть, и любовь къ родителямъ, и вопросы чистой религіи, къ которымъ, какъ ни стараться, даже самъ Freud не могъ бы подобрать сексуальнаго ярлыка, и тогда исключительно изъ нихъ можетъ возникнуть глубокій, тяжелый неврозъ, хотя бы и при полномъ покоѣ, гармоніи въ области половыхъ переживаній.

Здѣсь мы непосредственно переходимъ къ первоисточнику всякой психологической проблемы, безъ пониманія котораго мы не сумѣемъ вообще оріентироваться въ душевной жизни, къ выясненію условій вліянія на отдѣльную личность, на врожденную ея манеру чувствовать—факторовъ изъ окружающей среды. Попросту, мы подошли къ вопросу о прямомъ и косвенномъ воспитаніи. Воспитанію, въ самомъ широкомъ, всеобъемлющемъ смыслѣ этого слова, принадлежитъ доминирующая роль какъ въ руководствѣ душевно-здоровой личностью, такъ и въ созданіи невроза. За исключеніемъ крайне рѣдкихъ случаевъ, гдѣ весь психическій складъ личности заранѣе предопредѣленъ, гдѣ дальнѣйшее дифференцированіе душевныхъ функцій влечетъ, напримѣръ, къ кататоніи или глубокой циркулярности—въ остальномъ, подавляющемъ большинствѣ мы имѣемъ лишь довольно расплывчатую, врожденно-настроенную на извѣстный ладъ эмотивную конструкцію—инструментъ нѣкотораго, болѣе или менѣе опредѣленнаго тембра, звучности,—инструментъ, на которомъ уже сама жизнь,—композиторъ и піанистъ въ одно время, творитъ музыку извѣстнаго, заранѣе непредвидимаго содержанія и она же разыгрываетъ ее. Жизнь это въ 90% косвенное воспитаніе, а въ 10% прямое. Сексуальное, напримѣръ, лишь потому занимаетъ такое солидное положеніе въ современной культурной психикѣ, что окружающая человѣка жизнь сверху до низу загромождена половыми моментами, а не наоборотъ. Повторяю, что, какъ біологическій факторъ, какъ инстинктъ, по вліянію своему на душевную жизнь, сексуальное должно бы было занимать далеко не первое мѣсто, что и видно у некультурныхъ народовъ. Если обставить любой другой инстинктъ столькими же загражденіями и соблазнами, столькими условностями, предразсудками, извращеніями,—тогда и онъ овладѣлъ бы тѣмъ же значеніемъ для психики, какое сейчасъ имѣетъ половая область. Вся суть въ томъ, какъ воспитывается теперь человѣкъ въ половомъ отношеніи, какіе взгляды и чувствованія на сексуальныя темы вырабатываются у него жизнью и воспитателями.

Мы затронули сейчасъ вопросъ о значеніи воспитанія для неврозовъ, въ отношеніи только сексуальныхъ моментовъ. Ясно, конечно, что поскольку условія, вызывающія неврозъ, могутъ быть иного происхожденія, эти воззрѣнія о воспитаніи должны быть въ полной мѣрѣ примѣнены и къ нимъ.

Мы говорили о томъ, что главнымъ компонентомъ и индикаторомъ невроза является глубокій душевный конфликтъ, обусловленный, до извѣстной степени, или вторично сексуальными или, какъ увидимъ ниже, любыми другими моментами. Но на первомъ планѣ, конечно, надо рѣшить, вѣрно ли, что самой яркой характерной, обязательной чертой невроза является именно конфликтъ. Неврозомъ можетъ заболѣть какъ человѣкъ съ врожденно болѣе или менѣе патологическимъ душевнымъ укладомъ, такъ можетъ имъ заболѣть и человѣкъ отъ рожденія здоровый, но второй, какъ показываетъ опытъ, заболѣваетъ неврозомъ лишь послѣ цѣлаго ряда мелкихъ и крупныхъ столкновеній съ жизнью и съ самимъ собою, лишь послѣ того какъ этими тягостными конфликтами нарушается его душевное равновѣсіе, расщепляется его здоровый синтезъ, давая тѣмъ толчокъ и матеріалъ къ созданію уже болѣзненныхъ явленій, механизмовъ невроза. Человѣкъ же, обремененный и безъ того хрупкой конструкціей, носящій въ себѣ еще въ утробѣ задатки будущаго „психоневрозизма", по самой натурѣ своей наталкивается на конфликты всюду, все болѣе и болѣе разъѣдающіе его личность,—наконецъ, послѣдній ударъ, и участь психики рѣшена: она отдана во власть болѣе или менѣе спаянныхъ неврозныхъ механизмовъ, опредѣляющихъ въ дальнѣйшемъ собою уже все или большую часть душевнаго функціонированія. Каковы эти механизмы, разберемъ ниже. Итакъ, несомнѣнно, что конфликтъ —основная сущность психоневроза. Кромѣ сексуальнаго, есть иные факторы конфликта. Кто же они? До отвѣта разрѣшаемъ себѣ небольшое предисловіе. Конфликтъ лишь потому оказывается патогеннымъ моментомъ для психики, что создаетъ собою комплексъ сложныхъ представленій, охватывающихъ область самыхъ важныхъ, самыхъ животрепещущихъ интересовъ и влеченій человѣка, и окрашиваетъ ихъ въ отрицательные, тяжелые, чувственные тона, нарушая тѣмъ интенсивность и стройность основныхъ душевныхъ процессовъ. Только при этомъ условіи конфликтъ является патогеннымъ. Значитъ, въ неврозѣ должны быть нарушены исконные, са-

мые глубокіе интересы личности. Ясно, конечно, что, такъ какъ современная культура усиленно старается внѣдрить всюду сексульные оттѣнки,—половое дѣлается областью особенно живыхъ интересовъ и потому довольно нерѣдко участвуетъ въ созданіи болѣзни. Я думаю даже, что за послѣднее время количество неврозовъ на сексуальной почвѣ могло увеличиться хотя бы оттого, что школа Freud'а приковала все свое вниманіе именно къ этой области, увеличивъ тѣмъ ея цѣнность въ глазахъ невѣжественнаго общества, то есть, усиливъ и патогенную роль ея. Но, кромѣ сексуальнаго, существуютъ и другія сферы, могущія послужить источникомъ яркихъ интересовъ для личности, а, значитъ, и поводомъ къ неврознымъ конфликтамъ. Иногда, вмѣстѣ съ половыми агентами, то первостепеннаго, то второстепеннаго значенія, а часто и совершенно безъ ихъ участія, онѣ тоже занимаются сотвореніемъ болѣзни. Возьмемъ хотя бы чувство соціальной неполноцѣнности, обусловленное несоотвѣтствіемъ между аппетитами личности и ея жизненными данными. Сколько униженія и самоуничиженія, сколько разочарованій и пораженій приходится переживать подобному человѣку. Какой пышной почвой обладаетъ онъ для произрастанія моральныхъ конфликтовъ, трагедій самолюбія. И сексуальное можетъ въ такихъ случаяхъ играть часто самую скромную роль. Условіями, первично вызвавшими эти конфликты, иногда оказывается конституціональная фантастика, творящая, при хрупкихъ силенкахъ, грандіозные, нелѣпые проэкты, создающая тяжелый, больной эгоцентризмъ. Подобными условіями могутъ явиться и чисто жизненныя, внѣшнія причины, какъ обухомъ, день за днемъ, разбивающія самые трезвые, строго взвѣшенные планы. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ, но съ разной быстротой и гибкостью,—психика, разъѣденная по основнымъ своимъ пунктамъ, можетъ впасть въ болѣе или менѣе яркій неврозъ. Возьмемъ иной случай, гдѣ по психическому типу, или по внѣшней обстановкѣ, съ первыхъ дней вопросы религіи, мистическія чувствованія становятся во главу угла всей душевной жизни—до абсурда включительно, до самыхъ тяжелыхъ безсмысленныхъ требованій аскетизма, всяческаго самоотреченія etc. И до столкновенія съ сексуальнымъ и даже при встрѣчѣ съ нимъ, но уже здѣсь, какъ факторомъ вторичнымъ,—подобная почва можетъ быть неизсякаемымъ первичнымъ источникомъ безконечныхъ конфликтовъ на любую тему, вплоть до заболѣванія глубокимъ неврозомъ. Какъ часто про-

стыя разочарованія въ Богѣ на почвѣ жизненныхъ неудачъ,— въ томъ Богѣ, который былъ единственнымъ прочнымъ фундаментомъ душевной устойчивости,—могутъ оставить человѣка безъ всякой опоры, безъ синтеза, и тѣмъ ввергнуть въ нѣдра невроза. Если и говорить здѣсь о факторахъ болѣзни, то не о сексуальномъ, конечно,—но объ общей конституціональной психической слабости (въ большинствѣ, не специфической) и тяжелыхъ жизненныхъ воздѣйствіяхъ, дѣлающихъ человѣка неприспособленнымъ. Жизненныя воздѣйствія, т. е. опять прямое и косвенное воспитаніе. Вопросъ о воспитаніи всегда и всюду клиномъ врѣзается въ анализъ условій, производящихъ заболѣваніе неврозомъ. Сексуальная мораль,— сексуальное воспитаніе, общая и религіозная мораль,—таковое же воспитаніе—это все больше факторы соціальнаго порядка, гдѣ роль активнаго воспитателя, по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ, была низведена до minimum'а. Жизнь, столь охотно старающаяся воспитать всѣми способами невротиковъ, всегда спокойно распоряжалась такими губительными дальнобойными орудіями, какъ изуродованная общая, религіозная и сексуальная мораль, не встрѣчая къ тому противорѣчія со стороны насъ, врачей и воспитателей. До сихъ поръ этотъ грандіозный факторъ общаго и индивидуальнаго воспитанія былъ изъятъ изъ нашихъ рукъ и дѣйствовалъ противъ насъ же, плодя неврозы въ печальномъ изобиліи. Ясно, конечно, что же предстоитъ намъ совершить въ этомъ направленіи... Но, кромѣ указанныхъ моментовъ широкаго, соціальнаго масштаба, мы должны учесть еще и скромные по внѣшности, но не менѣе важные по существу, вопросы о нашихъ возможностяхъ и обязанностяхъ по адресу каждаго отдѣльнаго, воспитываемаго, наблюдаемаго человѣка. Кромѣ общихъ условій, имѣющихъ создать у него рядъ конфликтовъ, если мы даже, въ идеалѣ, сумѣемъ ихъ обезвредить, все же предъ нами остается не только соціальный типъ, но отдѣльная изолированная индивидуальность, съ одной лишь ей свойственными силами, аппетитами, интересами. Мы на первыхъ же порахъ не должны забывать объ этомъ, дабы не губить живую личность въ угоду схематизированному соціальному типу. Такъ какъ, онъ, можетъ быть, окажется въ концѣ незамѣнимымъ членомъ общества, оставаясь въ глубинѣ тяжело больнымъ невротикомъ. Итакъ, для профилактики психоневрозовъ необходимо на первомъ планѣ получше заняться проблемой соціальнаго и индивидуальнаго воспитанія, и въ этой области

перспективы наши такъ безгранично широки, такъ ярко свѣтлы, что мы можемъ, хотя бы въ этой сферѣ болѣзней, почти совсѣмъ забыть о вліяніи наслѣдственности.

Въ итогѣ всего вышесказаннаго, представимъ себѣ, что мы имѣемъ человѣка, заболѣвшаго психоневрозомъ болѣе или менѣе глубокимъ. Съ врожденно-пониженной душевной сопротивляемостью, а иногда и совершенно здоровый, онъ, мало-по-малу, плохо приспособленный воспитаніемъ прямымъ и косвеннымъ—къ запросамъ дѣйствительности и къ своимъ собственнымъ потребностямъ, подвергается ряду тяжелыхъ испытаній, претерпѣваетъ хроническія душевныя колебанія и въ результатѣ впадаетъ въ неврозъ. Этому въ иныхъ случаяхъ чрезвычайно способствуетъ и болѣе или менѣе специфическая конституція, сама по себѣ располагающая къ общему состоянію неувѣренности, психической неполноты, даже раздробленію личности. Жизнь и уродливыя условія воспитанія используютъ эту почву въ своихъ патологическихъ цѣляхъ, фатально увлекая психику все дальше, впередъ къ заболѣванію, а не отъ него. Между тѣмъ, многое, очень многое можно было бы предупредить и даже употребить на пользу личности, какъ и увидимъ ниже. Это же печальное явленіе можетъ получиться въ результатѣ тѣхъ же воздѣйствій и безъ всякихъ специфическихъ чертъ психики, при одной лишь неустойчивости общей, или даже, повторяю, безъ нея. Здѣсь необходимо кстати отмѣтить фактъ чрезвычайной важности, далеко не всѣми учитываемый,—что не глубиною страданій, не тяжестью конституціи, не сложностью симптомовъ и механизмовъ болѣзни измѣряется въ большинствѣ степень благопріятнаго въ перспективахъ невроза, а другими, совсѣмъ другими моментами. Въ психоневрозѣ мы имѣемъ связанныя клубкомъ тяжелыхъ комплексовъ основныя афективныя цѣнности личности, обезсиленныя отрицательнымъ чувственнымъ тономъ комплексовъ. Это отражается на всѣхъ творческихъ продукціяхъ больного пониженіемъ ихъ силы и яркости, такъ какъ основной, необходимый источникъ всякаго душевнаго импульса—афективность оказывается въ большей своей части плѣненной болѣзнью. Идеи лишаются сочности, влеченія остаются безъ яркаго, волевого толчка, и лишь то, что относится къ патогенному комплексу, переживается особенно болѣзненно-бурно. Афективностью приходится считать витающій въ организмѣ извѣстный зарядъ энергіи, обладающій текучестью,

гибкостью, приспособляемостью и тонкимъ сродствомъ съ многогранными областями душевной жизни. Она, повидимому, можетъ подчиниться общему закону сохраненія энергіи, видоизмѣняется, перемѣщается и, вѣроятно, обладаетъ всѣми свойствами любой иной энергіи. Душевныя области, привлекающія къ себѣ maximum афективности, оказываются доминирующими въ психикѣ даннаго идивидуума. Чѣмъ больше у человѣка такихъ областей, чѣмъ тоньше и сложнѣе онѣ дифференцированы, тѣмъ богаче, ярче вся его личность, тѣмъ гибче, подвижнѣе его афективность, такъ какъ силой вещей ее понуждаютъ къ обслуживанію самыхъ разнообразныхъ сферъ. Подобная психика обладаетъ массой боковыхъ руслъ для оттока избыточной или задержанной афективной энергіи, и, если въ какомъ-нибудь мѣстѣ образуется патологическая плотина, связывающая въ изолированномъ клубкѣ большую часть душевныхъ цѣнностей, въ подобной психикѣ такое явленіе долго тянуться не будетъ: либо естественнымъ путемъ, либо усиліями больного и нашими, всегда найдется свободный запасный путь—иные интересы, иныя цѣли, которые перетянутъ афективность къ себѣ и лишатъ тѣмъ патогенный комплексъ его силы и значенія, либо сквозь призму новыхъ интересовъ и цѣлей переоцѣнятъ его по иному и обезвредятъ. Итакъ, бываютъ разныя степени сублимаціи, связанной афективной энергіей, если можно такъ выразиться, и вотъ отъ этой способности и зависитъ оптимизмъ прогноза. Способность же эта можетъ быть, какъ до извѣстной степени врожденной—у гибкихъ, тонко дифференцированныхъ натуръ, такъ и пріобрѣтенной—условіями жизни, воспитаніемъ. Понятно, что, если, кромѣ тупо-религіозныхъ помысловъ и чувствованій, вся остальная жизнь души у человѣка оказывается хронически безцвѣтной,—когда назрѣетъ тяжелый конфликтъ въ этой именно сферѣ, больному будетъ очень, очень трудно изъ него выбраться. Но если силой жизненныхъ вліяній онъ развился такъ, что въ ярко афективые тона окрашены и сексуальность его, и религіозныя переживанія, и личная мораль, и націоналистическія, соціальныя чувствованія, и самолюбіе, и запросы эстетики,—здѣсь изъ всякаго, даже самаго тяжелаго, глубокаго, много объемлющаго конфликта всегда найдется спасительная, цѣлебная лазейка. Но надо замѣтить, что мало еще—имѣть много областей, способныхъ привлекать къ себѣ афекты; важно—умѣть, получить возможность проявляться имъ въ детальныхъ переживаніяхъ, въ

творческихъ поступкахъ. Афективная энергія—въ потенціи, напряженная, ждущая выхода, еще не вылечиваетъ отъ невроза,—ей необходимо создать контактъ съ дѣйствительностью, съ внѣшней жизнью, и лишь тогда перестанетъ психика перегорать внутри себя на безполезномъ пламени. Очень часто неврозъ можетъ родиться и безъ всякихъ конфликтовъ, а лишь въ результатѣ длительнаго внутренняго перегоранія афективныхъ цѣнностей, хроническаго безвыходнаго напряженія ихъ—на почвѣ отсутствія контакта съ жизнью. Слѣдовательно, тѣхъ больныхъ, у кого, кромѣ патокомплексныхъ, нѣтъ и не будетъ другихъ областей, могущихъ тянуть къ себѣ афективность, точно также и тѣхъ больныхъ, у кого афективность въ силу непреложныхъ обстоятельствъ (тюрьма, слѣпота, старость) не можетъ имѣть дѣятельнаго контакта съ жизнью, приходится обречь на печальный прогнозъ. Наоборотъ, какъ тяжело ни былъ бы боленъ психоневрозомъ человѣкъ, но, если онъ обладаетъ многогранной афективностью, если кругъ его интересовъ и импульсовъ великъ,—какую бы часть его душевныхъ цѣнностей ни связывалъ неврозъ, никогда нельзя терять надежду: либо мы, либо жизнь, либо сама психика больного, но кто-нибудь найдетъ цѣлебный выходъ. И даже больше: бывшая болѣзнь можетъ дать особое напряженіе всей дальнѣйшей афективной жизни, сильно поднять общій тонъ творческихъ продукцій и значительно повысить качества основныхъ свойствъ личности. Надо думать, что, вѣроятно, существуетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ особо ярко выраженная, врожденно конституціональная способность къ афективнымъ сублимаціямъ. Жизнь, воспитаніе могутъ испортить, уничтожить эту способность, могутъ и развить, обогатить ее. Во всякомъ случаѣ, приходится допустить какой то спеціальный типъ сублимирующей психики, сублимирующую конституцію—какъ и всѣ конституціи, разныхъ степеней и интенсивности. Но эта способность къ сублимаціи афективной энергіи можетъ часто и не быть врожденной, а развиться въ результатѣ многосложныхъ, особенно яркихъ и сильныхъ жизненныхъ воздѣйствій, прямо, нарочно или косвенно направленныхъ на личность. Значитъ, и здѣсь, въ вопросѣ объ одномъ изъ самыхъ важныхъ элементовъ неврозовъ и орудій терапіи ихъ, мы опять наталкиваемся на значеніе воспитанія. Если человѣкъ былъ пріученъ или принужденъ изгибаться, лавировать, сплющиваться и вновь выпрямляться (конечно, не въ позорно-бытовомъ, а обще-психическомъ смыслѣ этихъ

словъ), если силою внѣшнихъ вліяній онъ изощрилъ, расширилъ предѣлы, усилилъ подвижность, текучесть своей аффективной натуры, онъ больше даже, чѣмъ здоровый, застрахованъ отъ неизлечимаго невроза. Жизненные примѣры, доказательные для этого, имѣются у всякаго на лицо. Понятно, что каждый изъ общихъ вопросовъ, затронутыхъ здѣсь, законно требуетъ не такого короткаго анализа, какой дозволенъ скромными размѣрами этой статьи. Любой изъ нихъ можетъ, и долженъ быть подвергнутъ разсмотрѣнію въ отдѣльныхъ и не единичныхъ монографіяхъ, и въ краткой, схематической постановкѣ проблеммъ я отнюдь не собирался вовсе ихъ исчерпать. Теперь непосредственно перейдемъ къ наиболѣе трудному, рискованному отдѣлу—выясненію сущности отдѣльныхъ неврозныхъ механизмовъ, законовъ общепсихологическихъ и спеціальныхъ, управляющихъ процессомъ созиданія ихъ, къ дифференціальной діагностикѣ, различенію, какъ отдѣльныхъ механизмовъ между собою, такъ и между другими, тоже психопатическими, но уже не неврозными механизмами (при кататоніи, или циклотиміи, напримѣръ). Затѣмъ подвергнемъ обзору способы научно-теоретическаго и терапевтическаго анализа этихъ механизмовъ, чтобы затѣмъ вплотную подойти къ общимъ и частнымъ методамъ лечебнаго воздѣйствія на неврозы.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Къ психопатологіи обыденной жизни.

Н. А. Вырубова.

Опредѣленіе мѣста «безсознательнаго» въ нашей психологической жизни, установленіе его значенія въ нашихъ реакціяхъ на внѣшній міръ и его вліянія на наше сознаніе, одна изъ величайшихъ заслугъ S. Freud'a. Къ этому надо прибавить еще установленный имъ законъ строгаго детерминированія всѣхъ душевныхъ явленій и процессовъ. Ничто въ психикѣ не является случайнымъ, все строго опредѣлено и каждое психологическое событіе представляетъ послѣдствіе суммы психологическихъ условій.

Оба эти закона,—вліянія безсознательнаго и строгаго детерминированія психологическихъ явленій,—сохраняютъ свою силу какъ при нормальныхъ, такъ и патологическихъ

условіяхъ. Сейчасъ насъ будутъ интересовать случаи, въ которыхъ эти законы обнаруживаютъ себя въ условіяхъ здоровой психики.

Нагляднѣе всего они обнаруживаются при столь частыхъ погрѣшностяхъ въ функціонированіи нашего психическаго аппарата, выражающихся въ забываніи хорошо извѣстныхъ, казалось-бы, именъ, опискахъ, очиткахъ, оговоркахъ и т. п., во всемъ томъ, что Freud обобщаетъ однимъ названіемъ «психопатологіи обыденной жизни» [1]).

На первый взглядъ кажется, что всѣ эти явленія имѣютъ совершенно случайный характеръ, и возникновеніе ихъ весьма легко приписывается невнимательности, разсѣянности и т. д., однако же психологическій анализъ показываетъ, что въ главной массѣ они все-таки зависятъ не отъ этихъ состояній, а отъ болѣе глубоко лежащихъ въ психикѣ причинъ.

Нѣкоторый рядъ случаевъ, конечно, можетъ быть снесенъ на счетъ внѣшнихъ механизмовъ. Такъ напр., разстройство рѣчи въ формѣ обмолвки можетъ возникнуть подъ вліяніемъ другой составной части той-же рѣчи—предвосхищеніемъ того, что слѣдуетъ впереди, или отзвуковъ сказаннаго, или еще чѣмъ либо въ предѣлахъ того, что предполагалось сказать.

Такихъ примѣровъ искать не приходится: «пойдемъ сколять въ лѣсъ», вмѣсто «пойдемъ скорѣе гулять въ лѣсъ»; «всякъ шестокъ, знай свой сверчекъ», вмѣсто «всякъ сверчекъ, знай свой шестокъ», и т. п. Тотъ-же характеръ могутъ носить и описки, въ особенности при быстромъ письмѣ, спѣшащимъ за мыслью.

Но въ громадномъ большинствѣ, и это надо подчеркнуть, всѣ эти недочеты или случайные поступки (ихъ Freud называетъ также симптомными, опредѣляя этимъ ихъ сущность), возникаютъ подъ совершенно другими вліяніями. Нѣсколько примѣровъ лучше всего введутъ насъ въ вопросъ.

Изъ работы Meringer'a и C. Mayer'a «Обмолвки и ошибки въ чтеніи», Freud приводитъ нѣкоторыя интересныя мѣста.—Р. разсказываетъ о вещахъ, которыя онъ въ глубинѣ души считаетъ свинствомъ—Schweinerei. Онъ старается, однако, найти имъ мягкую форму выраженія и начинаетъ: «Dann aber sind Thatsachen zum Vorschwein (вмѣсто Vorschein) gekommen»... Онъ хотѣлъ сказать—«тогда обнару-

---

[1]) Freud. Психопатологія обыденной жизни. Русс. пер. 1910.

жились (zum Vorschein gekommen sind...), факты...», но скрытая мысль выдала себя и прорвалась при произнесеніи слова Vorschein.

Л. сказалъ въ нашемъ обществѣ: «Die Frau würde mir Furcht einlagen», имѣя въ виду: «эта женщина внушила бы мнѣ страхъ». Буква l показалась здѣсь непонятной. Когда вниманіе говорившаго обратили на его ошибку: «einlagen» вмѣсто «einjagen», то онъ тотчасъ же отвѣтилъ: «Да это произошло потому, что я думалъ: «ich wäre nicht in der Lage»...— «я былъ бы не въ состояніи»...

Тотъ-же Meringer въ одной статьѣ, помѣщенной въ общей прессѣ, пишетъ: «Вѣроятно, всѣ помнятъ еще, какъ нѣсколько времени тому назадъ предсѣдатель австрійской палаты депутатовъ открылъ засѣданіе словами: Уважаемое собраніе! Я констатирую законную наличность депутатовъ и и объявляю засѣданіе закрытымъ!—Общій смѣхъ обратилъ его вниманіе на ошибку, и онъ исправилъ ее. Въ данномъ случаѣ это можно скорѣе всего объяснить тѣмъ, что предсѣдателю хотѣлось имѣть возможность дѣйствительно закрыть засѣданіе, отъ котораго мало можно было ожидать хорошаго; эта сторонняя мысль—что часто бываетъ—прорвалась хотя-бы и частично, и въ результатѣ получилось закрытый вмѣсто открытый—прямая противоположность тому, что хотѣлось сказать».

Возьмемъ еще нѣсколько примѣровъ у самого Freud'a.— Одной госпожѣ при разсказѣ о давно забытомъ воспоминаніи дѣтства вдругъ измѣняетъ память, и она не можетъ вспомнить, за какое мѣсто ее схватила рука нѣкоего человѣка. Непосредственно за этимъ она приходитъ къ своей подругѣ и, при разговорѣ о дачныхъ квартирахъ, на вопросъ, гдѣ находится ея домикъ въ М., отвѣчаетъ: «An der Berglende» вмѣсто «Berglehne» (Lende—бедро, Berglehne—склонъ горы).

Еще большій интересъ, по крайней мѣрѣ съ точки зрѣнія того частнаго случая, о которомъ дальше пойдетъ рѣчь, представляютъ примѣры очитокъ, въ частности корректурныхъ очитокъ.

Freud сообщаетъ о себѣ слѣдующее: «Я получаю корректуру моей статьи для «Ежегодника неврологіи и психопатологіи» и долженъ, естественно, съ особенной тщательностью просмотрѣть имена авторовъ, которыя принадлежатъ къ различнымъ націямъ и представляютъ поэтому большія трудности для наборщика.

Нѣкоторыя иностранныя имена мнѣ дѣйствительно приходится выправить, но одно имя наборщикъ исправилъ самъ—по сравненію съ тѣмъ, какъ оно было въ рукописи. Я написалъ: «Букргардъ»; наборщикъ угадалъ въ этомъ: «Буркгардъ». Я самъ похвалилъ, какъ цѣнную, статью этого акушера о вліяніи родовъ на происхожденіе дѣтскаго паралича; ничего не имѣю противъ автора; но у него въ Вѣнѣ есть однофамилецъ, разсердившій меня своей непонятливой критикой «Толкованія сновъ». Было какъ разъ такъ, словно я, вписывая имя акушера Буркгарда, подумалъ что-то нехорошее о другомъ Буркгардѣ-писателѣ, ибо искаженіе именъ зачастую обозначаетъ пренебреженіе».

W. Stekel сообщаетъ о слѣдующемъ «прямо невѣроятномъ случаѣ» ошибочнаго чтенія и письма, который произошелъ въ редакціи одного распространеннаго еженедѣльника. Редакція эта была публично названа «продажной»; надо было дать отповѣдь и защититься. Статья была написана очень горячо и съ большимъ пафосомъ. Главный редакторъ прочелъ статью, авторъ прочелъ ее, конечно, нѣсколько разъ въ рукописи и въ гранкахъ; всѣ были очень довольны. Вдругъ появляется корректоръ и обращаетъ вниманіе на маленькую ошибку, никѣмъ не замѣченную. Соотвѣтствующее мѣсто ясно гласило: «Наши читатели засвидѣтельствуютъ, что мы всегда самымъ корыстнымъ образомъ отстаивали общественное благо». Само собою разумѣется, что должно было быть написано: самымъ безкорыстнымъ образомъ. «Но истинная мысль со стихійной силой прорвалась черезъ патетическую фразу».

Со мной былъ такой случай корректурной очитки. Въ журналѣ должна была появиться статья д-ра Чернобровова съ описаніемъ одного клиническаго случая, отношеніе котораго къ опредѣленному лицу мнѣ хотѣлось по возможности замаскировать. Вопросъ этотъ меня очень озабочивалъ и у автора возникало даже предположеніе выпустить статью безъ своего имени или съ измѣненнымъ именемъ. То и другое, однако, было нами отвергнуто. Когда была принесена изъ типографіи совсѣмъ готовая книжка журнала, то къ моему изумленію на обложкѣ вмѣсто названной фамиліи «Чернобрововъ» стояло «Чернозоровъ».

Между тѣмъ корректуру обложки я продержалъ, съ напряженнымъ вниманіемъ, дважды. Такова власть внутреннихъ

опасеній и затаеннаго желанія, что никакая работа сознанія не въ состояніи поставить имъ препятствіе.

Такихъ и подобныхъ имъ случаевъ можно привести много. На чемъ же, спрашивается, зиждется ихъ механизмъ, какія силы мѣшаютъ нашимъ сознательнымъ реаціямъ итти по намѣченному пути?

Едва-ли возможно съ полною достовѣрностью отвѣтить на поставленные вопросы. Можно лишь высказать нѣкоторыя предположенія о психологическихъ процессахъ, здѣсь дѣйствующихъ. Судя по условіямъ, при которыхъ происходятъ дефектные поступки и дѣйствія, можно съ большою вѣроятностью допустить, что дѣло идетъ о нарушеніи, отклоненіи вниманія, происходящемъ въ извѣстный моментъ. Что вниманіе дѣйствительно затрогивается, съ достаточною ясностью показываютъ, напр., такіе случаи, какъ Freud'a, Stekel'я и мой, относящіеся къ корректурнымъ очиткамъ. Freud отмѣчаетъ, что онъ «долженъ былъ съ особенной тщательностью просмотрѣть имена авторовъ;» Stekel сообщаетъ, что газетную статью прочелъ редакторъ, авторъ прочелъ и въ рукописи, и въ гранкахъ; наконецъ, я свою корректуру заглавнаго листа продержалъ дважды съ особенно напряженнымъ вниманіемъ и перечитывалъ каждое слово почти что по слогамъ. Тѣмъ не менѣе во всѣхъ случаяхъ вниманіе обмануло наши ожиданія и довѣріе къ нему.

Что же такое случилось? Произошло неожиданное и непрошенное вторженіе чего то, что нарушило вниманіе въ извѣстномъ пунктѣ, въ области извѣстной группы представленій. Исходя изъ того первоначальнаго скрытаго содержанія, которое выявляется при психологическомъ анализѣ дефектныхъ дѣйствій, мы можемъ заключить, что въ каждомъ случаѣ между «представленіемъ-раздражителемъ» (какимъ въ моемъ, напр., случаѣ является фамилія автора статьи) существуетъ ассоціативная связь, при посредствѣ которой и пробуждается извѣстная группа представленій, опредѣленнымъ образомъ эмоціонально окрашенныхъ. Такія группы представленій, связанныхъ однимъ аффектомъ, составляютъ то, что, согласно предложенію цюрихской школы, называется «комплексами» (Bleuler, Jung). Вліяніемъ комплексовъ, нерѣдко вовсе несознаваемыхъ нами, повидимому, и можно объяснить наше мимовольное и даже противувольное отклоненіе отъ линіи намѣченнаго поведенія и совершеніе, такъ назыв., дефектныхъ, симптомныхъ, дѣйствій.

* * *

Нашъ случай относится къ очень недавней партійной борьбѣ за депутатскія кресла въ 4-ой Государственной Думѣ. Вся фактическая сторона дѣла совершенно ясна изъ двухъ писемъ, помѣщенныхъ въ «Русскомъ Словѣ» 19 октября 1912 г., которыя я и привожу цѣликомъ.

I.

Прошу васъ помѣстить въ вашей уважаемой газетѣ слѣдующее письмо:

Въ № 239 отъ 17-го октября 1912 г. «Русскихъ Вѣдомостей» была напечатана статья о кандидатахъ по второму разряду г. Москвы, въ которой обстоятельно говорилось о кандидатахъ партіи к.-д., о лѣвыхъ же кандидатурахъ говорилось лишь вскользь. Зная к.-д. направленіе газеты, постоянно замалчивающей передъ своими читателями о нашихъ выступленіяхъ, я не обратилъ бы вниманія на это, если бы въ моихъ иниціалахъ не была сдѣлана ошибка, на которую указали мнѣ и многіе мои избиратели: вмѣсто А. М. Никитинъ было напечатано А. И. Никитинъ. Въ томъ же № была помѣщена замѣтка о моемъ докладѣ относительно поѣздки на Лену, гдѣ я правильно названъ А. М. Никитинъ. Мое имя извѣстно редакціи «Русскихъ Вѣдомостей» по моимъ телеграммамъ съ Лены, передававшимся редакціи моими товарищами въ Москвѣ. Кромѣ того, я хорошо извѣстенъ одному изъ редакторовъ Н. М. Іорданскому по работѣ вмѣстѣ со мной въ музеѣ содѣйствія труду. Послѣ нѣсколькихъ запросовъ моихъ избирателей объ опечаткѣ, я обратился къ Н. М. Іорданскому; онъ выразилъ сожалѣніе о случившемся и обѣщалъ напечатать поправку съ указаніемъ полностью моего имени. На слѣдующій день, въ день выборовъ, въ № 240 «Русскихъ Вѣдомостей» появилась «поправка», гдѣ я вмѣсто Алексѣя Максимовича Никитина былъ названъ Алексѣемъ Матвѣевичемъ Никитинымъ. Я считаю такую, въ лучшемъ случаѣ, «небрежность» по отношенію къ нежелательнымъ для редакціи кандидатамъ недопустимой и неслыханной въ нашей прогрессивной прессѣ; тѣмъ болѣе странно встрѣтить ее въ такой газетѣ, какъ «Русскія Вѣдомости», при такихъ условіяхъ, какъ я указалъ. Пусть сами читатели «Русскихъ Вѣдомостей» найдутъ соотвѣтствующее названіе такой «небрежности» и такой «поправкѣ».

А. М. Никитинъ.

II.

Позвольте черезъ посредство вашей уважаемой газеты обратить вниманіе общественнаго мнѣнія на маленькую, предвыборную «досадную опечатку», продѣланную «Русскими Вѣдомостями».

Характеризуя въ № 239 выставленныхъ разными партіями кандидатовъ, газета, по «досадному» недосмотру, не-

вѣрно напечатала иниціалы одного изъ лѣвыхъ кандидатовъ, г. Никитина. Конечно, въ слѣдующемъ же № 240, вышедшемъ уже вчера, въ день выборовъ, редакція благородно спѣшитъ сознаться въ «досадной опечаткѣ» и дѣлаетъ слѣдующую поправку:

«Во вчерашнемъ номерѣ «Русскихъ Вѣдомостей», въ статьѣ «Кандидаты г. Москвы въ 4-ю Государственную Думу», вкралась досадная опечатка въ иниціалахъ одного изъ кандидатовъ: напечатано «А. И. Никитинъ», нужно А. М. (Алексѣй Матвѣевичъ) Никитинъ.

Между тѣмъ, и въ опубликованныхъ спискахъ избирателей, и въ разсылаемыхъ отъ лѣвыхъ избирателей бюллетеняхъ напечатано чернымъ по бѣлому не Алексѣй Матвѣевичъ, а Алексѣй Максимовичъ Никитинъ. Редакція «Русск. Вѣдомостей» не могла этого не знать и, вторично дѣлая новое искаженіе въ имени неугоднаго ей кандидата, подвергаетъ опасности быть забракованными тѣ бюллетени, на которыхъ избиратели писали имя г. Никитина въ начертаніи «Русскихъ Вѣдомостей».

Избиратель.

Что касается полемики, которая загорѣлась между заинтересованными сторонами и не всегда выражалась во вполнѣ корректныхъ формахъ, то она для уясненія дѣла не даетъ рѣшительно ничего и только лишній разъ показываетъ наше еще очень малое познаніе человѣческой психики и несовершенствъ ея механизмовъ.

Попробуемъ подойти къ случаю при помощи метода психологическаго анализа.

Въ самомъ разгарѣ партійной борьбы, наканунѣ дня выборовъ членовъ Госуд. Думы, въ газетѣ «Русскія Вѣдомости», примыкающей по своему направленію къ конституціонно-демократической партіи, фамилія кандидата соціалъ-демократовъ г. Никитина появляется съ невѣрными иниціалами—А. И. вмѣсто А. М. При этомъ въ томъ-же № газеты напечатана замѣтка о докладѣ г. Никитина, но съ вѣрно обозначенными иниціалами—А. М. Кромѣ того, редакторъ, выпускавшій № газеты, г. Н. М. Іорданскій хорошо знаетъ г. Никитина по совмѣстной работѣ. Послѣ указанія г. Никитина на указанную ошибку г. Іорданскій извинился за нее, и на другой день, уже въ день выборовъ, въ «Русск. Вѣдом.» появилась поправка, опять съ новой ошибкой, гдѣ г. Никитинъ былъ названъ Алексѣемъ Матвѣевичемъ вмѣсто Алексѣя Максимовича. Вотъ сущность дѣла.

Анализъ случая, несомнѣнно, представляетъ значительныя трудности, такъ какъ приходится пользоваться только

тѣмъ матеріаломъ, который даютъ газетныя сообщенія. Поэтому, быть можетъ, въ нѣкоторыхъ частяхъ онъ будетъ носить характеръ гипотезы, но въ основахъ все-же, думается, можно будетъ разобраться правильно, и тѣмъ, можетъ быть, снять съ этого случая наслоенія вражды и недовѣрія людей другъ къ другу.

Вернемся на нѣкоторое время къ комплексамъ. Комплексы вообще представляютъ собою нормальное явленіе и для всякой здоровой психики, и каждый изъ насъ несетъ въ своей душѣ одно или нѣсколько комплексныхъ ядеръ. Содержаніе ихъ чрезвычайно разнообразно: у одного затрогиваются семейныя отношенія, у другого—конфликтъ возникаетъ на почвѣ уязвленнаго самолюбія, у третьяго—господствуютъ мотивы любовнаго свойства, и т. д. варіаціи могутъ идти до безконечности. При этомъ, конечно, само содержаніе комплекса не играетъ главной роли, важно только одно, чтобы комплексъ имѣлъ отношеніе къ нашей личности, затрогивалъ опредѣленныя струны души, способныя давать созвучныя колебанія съ данными переживаніями. И чѣмъ глубже задѣваются соотвѣтствующіе элементы нашей психики, тѣмъ съ большею разстраивающею силою дѣйствуютъ комплексы. Потому-то, какъ указываетъ Freud, наиболѣе сильными оказываются комплексы «самоотношенія»—личные, семейные, профессіональные.

Само собою разумѣется, что и политическая борьба создаетъ благопріятныя условія для возникновенія у участвующихъ въ ней опредѣленныхъ комплексовъ. Вѣдь тотъ, кто жаждетъ торжества своихъ политическихъ единомышленниковъ, съ другой стороны, несомнѣнно, лелѣетъ въ себѣ надежду на пораженіе противниковъ, и, быть можетъ, временами даже живо представляетъ счастливый мигъ побѣды. При учитываніи возможныхъ шансовъ на успѣхъ, взвѣшиваются всѣ pro и contra, принимаются всѣ мѣры къ тому, чтобы использовать всѣ допустимыя средства, предупредить всѣ предполагаемыя случайности. Среди послѣднихъ, какъ извѣстно, одной изъ самыхъ досадныхъ и не столь уже рѣдкихъ непріятностей является неправильное правописаніе фамиліи выставляемаго кандидата и невѣрное обозначеніе его имени и отчества. Въ виду этого отчасти органы печати настойчиво и на видномъ мѣстѣ печатаютъ передъ выборами имена поддерживаемыхъ ими кандидатовъ. Я останавливаюсь на этихъ подробностяхъ съ той цѣлью, чтобы оттѣнить все то важное

значеніе, какое въ выборной борьбѣ придается этому моменту. Естественно, что при этихъ условіяхъ въ глубинахъ нашего безсознательнаго возникаютъ скрытыя отъ насъ желанія и надежды на неудачи противниковъ и на этомъ пути.

Если теперь припомнить, что случай, о которомъ мы говоримъ, происходитъ въ послѣдній моментъ борьбы за депутатское кресло, въ моментъ высшаго напряженія политическихъ страстей, то намъ станетъ еще болѣе понятной та корректурная очитка, на которую толкнулъ редактора газеты «комплексъ политической борьбы». Быть можетъ, даже и г. Іорданскій особенно сосредоточивалъ свое вниманіе на именахъ кандидатовъ въ члены Госуд. Думы, но и это вполнѣ вѣроятное допущеніе ничуть не говоритъ противъ приводимаго объясненія. Какъ указывалось раньше, напряженіе вниманія представляетъ обычное внѣшнее условіе нашихъ дефектныхъ поступковъ, и вовсе не препятствуетъ разстройствамъ, вносимымъ комплексомъ. Возможно допущеніе, что активное участіе вниманія является именно условіемъ, благопріятствующимъ возникновенію симптомныхъ дѣйствій, такъ какъ, повидимому, наибольшей точностью выполненія отличаются наши автоматическія реакціи.

Предположеніе о забвеніи редакторомъ иниціаловъ имени и отчества г. Никитина, повидимому, должно быть отброшено, такъ какъ рядомъ въ замѣткѣ о докладѣ г. Никитина они указаны правильно.

Ошибка (корректурная очитка) произошла, на нее было указано со стороны, и оставалось, слѣдовательно, только ее исправить. Казалось бы, что теперь уже активное вниманіе, къ тому-же подстегнутое извнѣ, не дастъ комплексу себя провести. Но и тутъ надлежащее исправленіе не удалось. На помощь явился еще другой психологическій феноменъ — временное забвеніе, вытѣсненіе изъ памяти отчества кандидата, хорошо знакомаго редактору газеты. «Комплексъ политической борьбы» сдѣлалъ свое дѣло и вмѣсто одного отчества стало другое, вовсе не принадлежащее данному лицу.

Понятна и эта неудача въ исправленіи ошибки, т. е. новый дефектный поступокъ. Freud прямо указываетъ, что «чѣмъ безобиднѣе мотивировка ошибки, чѣмъ менѣе избѣгаетъ сознанія мысль, сказывающаяся въ этой ошибкѣ, тѣмъ легче разрѣшить феноменъ, коль скоро на него обращено вниманіе». Не то происходитъ, когда мы имѣемъ дѣло «съ эгоистическими, враждебными чувствами и импульсами, испытываю-

щими на себѣ давленіе моральнаго воспитанія, которые нерѣдко утилизируютъ у здоровыхъ людей путь дефектныхъ дѣйствій, чтобы такъ или иначе проявить свою несомнѣнно существующую, но непризнанную высшими душевными инстанціями силу». Послѣднее мы и имѣемъ въ разсматриваемомъ случаѣ. Комплексная мотивировка затрогиваетъ такія области и вызываетъ такія чувствованія, которыя находятся подъ «давленіемъ моральнаго воспитанія» и представляются непріемлемыми для «высшихъ инстанцій». Въ такихъ случаяхъ «мысль избѣгаетъ сознанія», ошибка менѣе доступна исправленію, и тѣмъ болѣе открывается путей для проявленія комплекса.

Намъ оставалось-бы отвѣтить еще на одинъ частный вопросъ. Какимъ образомъ произошла замѣна отчества г. Никитина и вмѣсто «Максимовичъ» появилось «Матвѣевичъ». Къ сожалѣнію, въ печатномъ матеріалѣ данныхъ для рѣшенія его не оказывается. Первое напрашивающееся предположеніе, что сдвигъ произошелъ по созвучію обоихъ словъ, мало вѣроятно, во-первыхъ, потому, что созвучіе это не слишкомъ рѣзко, а во-вторыхъ, еще и потому, что для образованія такого рода сдвиговъ не достаточно только внѣшняго сходства. Для нихъ необходима внутренняя мотивировка.

Мы хорошо знаемъ, что дефектные поступки не только вообще детерминированы, но бываютъ еще сверхдетерминированы, т. е могутъ опредѣляться, кромѣ ближайшаго главнаго комплекса, также и нѣкоторыми другими болѣе отдаленными комплексами.

Весьма вѣроятно предположеніе, что здѣсь имѣемъ мы какъ разъ подобный случай, и замѣна одного имени другимъ произошла подъ вліяніемъ какого-либо другого личнаго свойства комплекса. Это, однако, поневолѣ приходится оставить въ области догадки.

Въ томъ свѣтѣ, какъ разсказано на предшествующихъ страницахъ, этотъ случай предсталъ предо мною и въ тотъ моментъ, когда вокругъ него разыгралась буря негодованія, упрековъ и заподозриваній другъ друга боровшимися политическими противниками. Время не казалось мнѣ тогда подходящимъ для выступленій съ спокойнымъ научнымъ разсмотрѣніемъ фактовъ. Теперь, я рѣшилъ это сдѣлать и думаю, что мнѣ удалось показать, какъ мало было во всемъ случаѣ основаній для возникшей тогда острой полемики. Мнѣ думается, что для такихъ и очень многихъ другихъ случаевъ

столкновеній и вражды между людьми, громадное значеніе можетъ имѣть психоаналитическій методъ Freud'a, не только давая познаніе вещей, но и содѣйствуя установленію между людьми отношеній этическихъ, полныхъ внутренняго благородства.

О современномъ положеніи психотерапіи въ Америкѣ.

В. Н. Лихницкаго.

Говоря въ настоящемъ очеркѣ о развитіи психотерапіи въ Америкѣ, мы будемъ имѣть въ виду только Соединенные Штаты, оставляя въ сторонѣ Южную Америку, научная литература которой не представляетъ особенной цѣнности.

Прежде чѣмъ перейти къ обзору психотерапевтической литературы, мы скажемъ нѣсколько словъ о развитіи, котораго достигла въ настоящее время въ Америкѣ психологія и психопатологія.

Замѣтное оживленіе интереса къ вопросамъ нормальной и патологической психологіи наблюдается въ Соединенныхъ Штатахъ въ 80-хъ годахъ, когда появился рядъ работъ о внушеніи, галлюцинаціяхъ, автоматическомъ письмѣ, кристаллоскопіи и т. д. Толчкомъ къ этимъ работамъ послужили изслѣдованія англійскихъ ученыхъ, участниковъ лондонскаго «Общества Психическихъ Изслѣдованій» (Society for Psychical Research). Въ послѣдніе же 20 лѣтъ въ Америкѣ больше сказывается вліяніе французскихъ и нѣмецкихъ изслѣдователей, особенно Pierre Janet, работы котораго тамъ хорошо извѣстны.

Въ настоящее же время какъ въ психологіи, такъ и въ психопатологіи американцы не только не отстаютъ отъ европейскихъ ученыхъ, но въ нѣкоторыхъ вопросахъ, пожалуй, даже опередили ихъ, какъ, напр.—въ экспериментальной и сравнительной психологіи, въ изученіи психологіи религіи и т. д.

Наиболѣе виднымъ изъ представителей современной американской психопатологіи является Morton Prince. Нѣкоторые изъ его работъ о подсознательномъ и о раздвоеніи личности успѣли стать классическими; его значеніе для Америки можно сравнить съ той извѣстностью, которой пользуется въ Европѣ Pierre Janet. Сравнительно еще не такъ давно M. Prince описалъ случай распаденія личности, который онъ наблюдалъ у Miss Longschamp и который является однимъ изъ самыхъ интересныхъ и сложныхъ изъ всѣхъ извѣстныхъ примѣровъ раздвоенія личности.

Большой популярностью пользуется въ настоящее время Boris Sidis, опубликовавшій рядъ изслѣдованій о гипнотизмѣ и о раздвоеніи личности. Въ послѣдніе годы онъ создалъ своеобразную теорію происхожденія неврозовъ, на которой мы еще будемъ имѣть случай остановиться ниже.

Среди изслѣдователей, занимавшихся различными проблемами психопатологіи, нужно еще упомянуть имена Coriat, Courtney, A. Meyer, Putnam и Taylor.

Не мало цѣнныхъ работъ принадлежитъ американскимъ ученымъ и по сексуальному вопросу; достаточно будетъ напомнить классическія работы Havelock Ellis'a.

Намъ казалось не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о состояніи, въ которомъ находятся въ настоящее время въ Америкѣ психологія и психопатологія, чтобы показать, что интересъ къ психотерапіи, наблюдающійся у американцевъ въ послѣдніе годы, не представляетъ изъ себя явленія случайнаго. На него нельзя смотрѣть, какъ на желаніе использовать на практикѣ примѣняемые въ Европѣ различные методы психическаго леченія; развитіе психотерапіи—это вполнѣ естественный, законный переходъ отъ разработки клиническаго матеріала и отъ лабораторныхъ наблюденій къ примѣненію къ жизни общихъ положеній и теорій. Правда, до сихъ поръ въ примѣненіи различныхъ психотерапевтическихъ методовъ вліяніе Европы сказывается еще очень сильно, но американцы не ограничиваются рабскимъ подражаніемъ, и заимствуя какой либо методъ, болѣе или менѣе передѣлываютъ его, передавая ему своеобразный отпечатокъ.

* * *

Количество монографій и статей по психотерапіи, появляющихся за послѣдніе годы, настолько значительно, что собрать ихъ всѣ было бы весьма затруднительно. По своему качеству далеко не всѣ онѣ представляютъ научную цѣнность; многія изъ нихъ ставятъ своей задачей ознакомить американскихъ врачей съ различными теченіями европейской психотерапіи, но среди нихъ попадается не мало и самостоятельныхъ, оригинальныхъ работъ. Въ прилагаемомъ указателѣ литературы собраны, главнымъ образомъ, работы послѣднихъ 5-ти лѣтъ, при чемъ пришлось перечислить далеко не всѣ.

Среди работъ, носящихъ общій характеръ, нужно назвать монографіи Bruce (5), Walsh (37) и Münsterberg'a (25), статьи Mac Phee (27) и Mills (24).

Münsterberg даетъ прекрасное изложеніе основныхъ

положеній, на которыхъ должны покоиться методы психическаго леченія, разсматриваетъ взаимоотношеніе между медициной и религіей, между медициной и обществомъ и даетъ очеркъ развитія психическаго леченія начиная съ древнихъ вѣковъ. Авторъ—профессоръ психологіи въ одномъ изъ американскихъ университетовъ, и близкое знакомство его съ современной психологіей придаетъ его изложенію еще большій интересъ, такъ какъ къ рѣшенію многихъ вопросовъ онъ подходитъ съ чисто психологической стороны, что не представляется возможнымъ для нѣкоторыхъ психотерапевтовъ, ограничивающихся обработкой матеріала съ клинической точки зрѣнія. Свое изложеніе Münsterberg иллюстрируетъ рядомъ собственныхъ наблюденій.

Вопросы психологіи религій уже сравнительно давно занимаютъ американскихъ ученыхъ; не удивительно, что мы у нихъ найдемъ не мало работъ, посвященныхъ изученію вѣрованій, какъ психотерапевтическаго фактора.

Особенности религіозной жизни въ Соединенныхъ Штатахъ не могли не привлечь вниманія психологовъ и клиницистовъ на взаимоотношеніе между религіей и медициной. Дѣйствительно, едва ли гдѣ нибудь въ культурныхъ странахъ Европы представляется случай такъ легко наблюдать возникновеніе новыхъ сектъ, борьбу ихъ между собою и видѣть воодушевленныхъ апостоловъ и послѣдователей новыхъ ученій. Здѣсь легче, чѣмъ гдѣ либо, приходится видѣть, какимъ могучимъ психотерапевтическимъ факторомъ могутъ быть религіозныя вѣрованія. При этомъ для послѣдователей нѣкоторыхъ сектъ, какъ напр. для адептовъ Christian Science, всякое леченіе должно покоиться на вѣрѣ и понятія леченія и молитвы тѣсно связаны между собою.

Въ одной изъ главъ своей монографіи Münsterberg разсматривалъ психотерапевтическое значеніе религіозныхъ убѣжденій; на аналогичныхъ вопросахъ останавливаются въ своихъ работахъ Farrar (13), Wadler (38) и Witmer (41).

* * *

Однимъ изъ наиболѣе видныхъ, и при томъ наиболѣе самостоятельныхъ и оригинальныхъ американскихъ психотерапевтовъ, является Boris Sidis. Долгое время онъ занимался вопросами о раздвоеніи личности и взаимоотношеніемъ между сознательными и подсознательными психическими процессами. Онъ построилъ своеобразную теорію развитія неврозовъ, сущность которой сводится къ слѣдующему (33,34).

Въ возникновеніи неврозовъ рѣшающую роль играетъ инстинктъ страха, основной инстинктъ человѣческой природы, полученный культурными людьми въ наслѣдіе отъ своихъ дикихъ предковъ. У дикарей и животныхъ инстинктъ страха царитъ надъ всѣми проявленіями ихъ жизни, у культурнаго же человѣка онъ только въ исключительныхъ случаяхъ можетъ проявиться во всей своей силѣ. Прорываясь, онъ можетъ рѣзкимъ образомъ нарушать душевное равновѣсіе; это нарушеніе равновѣсія и лежитъ въ основѣ возникновенія неврозовъ. Возстановить это равновѣсіе B. Sidis стремится съ помощью своего метода «гипноидизаціи», основаннаго на употребленіи «гипноидальнаго состоянія» (hypnoidal state) (32). Состояніе это отличается какъ отъ нормальнаго сна, такъ и отъ обычнаго гипноза. Оно представляетъ изъ себя первичное біологическое состояніе покоя, изъ котораго выработались какъ сонъ, такъ и гипнозъ.

Гипноидизацію вслѣдъ за B. Sidis, стали примѣнять и другіе, какъ напр. Donley (11).

* * *

Изъ отдѣльныхъ психотерапевтическихъ школъ Европы почти всѣ имѣютъ своихъ сторонниковъ въ Америкѣ. Такъ Jeliffe (22,23) защищаетъ идеи Dubois, Barker (1) является послѣдователемъ метода изоляціи въ той формѣ, какъ его примѣняетъ Déjerine. Williams (40) по своимъ взглядамъ стоитъ очень близко къ Babinsk'ому. Имѣетъ своихъ сторонниковъ и леченіе трудомъ, изъ которыхъ можно указать на H. Hall (16). Послѣдній указываетъ на то обстоятельство, что трудъ можетъ имѣть значеніе не только какъ самостоятельный факторъ при леченіи неврозовъ, но и какъ побочное средство при примѣненіи другихъ психотерапевтическихъ методовъ.

* * *

Большой интересъ въ послѣдніе годы вызвалъ въ Соедин. Штатахъ психоанализъ, гдѣ такъ же, какъ и въ Европѣ мнѣнія о цѣнности этого метода рѣзко расходятся.

Пріобрѣтя себѣ не мало ярыхъ защитниковъ, онъ въ то же время вызвалъ весьма рѣзкую критику.

Знакомству американцевъ съ методомъ психоанализа способствовало то обстоятельство, что рядъ работъ Freud'a, Jung'a, Fridländer'a и другихъ психоаналитиковъ появился въ англійскихъ переводахъ, а также и то, что самъ Freud

въ 1909 году прочелъ въ Clark University 5 лекцій, въ которыхъ изложилъ основныя положенія своего ученія.

Ортодоксальными послѣдователями Freud'a являются Brill и Jones Какъ тотъ, такъ и другой въ своихъ статьяхъ знакомятъ американскихъ врачей съ отдѣльными сторонами ученія Freud'a. Такъ Brill даетъ общій обзоръ взглядовъ Freud'a (3) и излагаетъ его теорію невроза тревоги (4), приводя при этомъ и свои личныя наблюденія. Jones знакомитъ съ общими положеніями Freud'a (17, 18, 19), съ его теоріей сновъ (20), съ неврозомъ тревоги (21), также иллюстрируя изложеніе собственными наблюденіями. Оба—и Brill, и. Jones, ограничиваются изложеніемъ теорій Freud'a, не внося въ нихъ существенныхъ измѣненій, вслѣдствіе чего мы останавливаться на разборѣ ихъ работъ не будемъ.

Къ сторонникамъ психоанализа, хотя, быть можетъ, и не такими безусловными, какъ Brill и Jones, нужно причислить Fink (14), Gordon (15), Onuff (26) и Scriptur Въ общемъ сочувственно, хотя и не раздѣляя всѣхъ положеній Freud'a, относятся къ психоанализу Putnam (29,30), Burrow (6), Watermann (39).

Принимая основную идею психоанализа, Taylor (35,36), однако, находитъ, что самый методъ можетъ быть измѣненъ и значительно упрощенъ. Онъ приводитъ случай, когда одной 2-хъ часовой бесѣды съ больнымъ оказалось достаточнымъ, чтобы помочь ему избавиться отъ своего заболѣванія; случай этотъ по своимъ симптомамъ представлялъ типичный случай Angstneurose, но въ немъ не было сексуальной этіологіи, да и подробный анализъ сексуальной жизни не былъ произведенъ, что не помѣшало больному, послѣ такого упрощеннаго анализа побѣдить свое заболѣваніе и оставаться здоровымъ.

Наряду со сторонниками психоанализъ имѣется въ Америкѣ достаточно и противниковъ, среди которыхъ можно указать выдающихся невропатологовъ, какъ Dercum, Morton Prince, Boris Sidis.

Dercum (10), говоря о толкованіи Freud'омъ значенія сновидѣній, допускаетъ, что сны съ сексуальнымъ содержаніемъ встрѣчаются, но считаетъ увлеченіемъ предположеніе Freud'a, ищущаго скрытаго сексуальнаго содержанія во всѣхъ снахъ; не согласенъ онъ и съ Freud'омъ въ его толкованіи патогенеза обсессивныхъ состояній. Рѣзкой критикѣ подвергаетъ теорію сновъ Freud'a и Morton Prince (28), указывающій, между прочимъ на то, что сны могутъ служить

не только выраженіемъ скрытыхъ желаній, но и быть вызванными цѣлымъ рядомъ другихъ моментовъ, какъ то: различными душевными конфликтами, страхомъ, тоской и т. д.

B. Sidis (34), не отрицая значенія психическихъ травмъ въ развитіи неврозовъ, не соглашается съ психоаналитиками, придающими этимъ травмамъ сексуальное значеніе. Не раздѣляетъ большинства утвержденій Freud'a и J. Coriat. (7, 8, 9). Donley (12) не согласенъ съ тѣмъ положеніемъ, что сексуальными моментами исчерпывается этіологія невроза тревоги.

Психоанализъ служитъ предметомъ докладовъ и обсужденія на засѣданіяхъ различныхъ обществъ. Такъ обсужденію теорій Freud'a было посвящено одно изъ засѣданій Philadelphia Neurological Society, когда Schwab говорилъ въ защиту психоанализа, тогда какъ Mc Carthy, Burr и Weissenburg высказались противъ, протестуя, главнымъ образомъ, противъ увлеченія Freud'омъ значенія сексуальныхъ моментовъ. На 1-мъ и на 2-мъ годичномъ собраніи Американской психопатологической Ассоціаціи (American Psychopathological Associat.) изъ сторонниковъ Freud'a говорили Brill и Jones, тогда какъ Coriat, Donley, B. Sidis, M. Prince и Waterman выступили съ критикой психоаналитическихъ теорій.

Первыя въ Америкѣ психоаналитическія общества возникли въ 1911 году. 12 февр. 1911 г. въ Нью-Іоркѣ было учреждено Нью-Іоркское психоаналитическое общество (New-Iork Psychoanalytic Society), президентомъ котораго былъ избранъ Brill, вице-президентомъ Onuff. 9 мая того же года въ Балтиморѣ было рѣшено организовать Американскую Психоаналитическую Ассоціацію (Amerikan Psychoanalytic Assotiation) подъ предсѣдательствомъ Putnam'a.

* * *

Интересъ къ психическимъ методамъ леченія не ограничивается въ настоящее время узкимъ кругомъ врачей-невропатологовъ. Считаться съ психотерапіей начинаютъ и врачи другихъ спеціальностей, на что указываетъ какъ значительное число статей о психотерапіи, разбросанныхъ въ обще-медицинскихъ изданіяхъ, такъ и то обстоятельство, что Американское Терапевтическое Общество посвятило обсужденію значенія психическихъ методовъ леченія свое годовое засѣданіе, состоявшееся 6 мая 1909 года (Annual Meeting of Americ. Therapeutic Society). На этомъ засѣданіи съ докладами вы-

ступили Jones, Drumond, M. Prince, B. Sidis, Taylor, Waterman, Gurrisch и Putnam.

Въ задачу настоящаго очерка не входило дать полный обзоръ современнаго состоянія психотерапіи въ Соединенныхъ Штатахъ; цѣлью ея было обрисовать въ общихъ чертахъ положеніе, которое занимаетъ психотерапія въ Америкѣ. Вслѣдствіе этого какъ и самый обзоръ, такъ и прилагаемый указатель литературы являются далеко не полными.

Указатель литературы.

1. Barker. Some Experience with the simpler Methods of Psychother. Amer. Jour. Medic. Scien. 1906, 499.
2. Brill A. Anal erotisme and Character. J. Ab. Ps. Aug. 1912.
3. „ Freud's Conseption of the Psychoneuroses. Med. Record. Dec. 1909.
4. „ The Anxiety Neurosis J. Ab. Ps. V, 57.
5. Bruce, A. Scientific Mental Healing. Boston, 1911. 258 стр.
6. Burrow, I. Some Psychological Phases of Medicine J. Ab. Ps. 1911, 205.
7. Coriat. J. St. Paul Med. Journ. Sept. 1910.
8. „ The Case of Miss F. J. Ab. Ps. 1910, 165.
9. „ A contribution to the Psychopathology of Hysteria. J. Ab. Ps. 1911, 33.
10. Dercum. The Role of Dreams in the Etiology. J. N. a. M. D. Feb. 1911.
11. Donley. The clinical Use of Hypnoidisation. J. Ab. Ps. Aug. 1908.
12. „ Freud's Anxiety Neurosis. J. Ab. Ps. 1911, 126.
13. Farrar. Psychology and the Church. J. N. a. M. D. Jan. 1909.
14. Fink, H. W. Psychoanalysis of mixed Neurosis. J. Ab. Ps. 1911, 185.
15. Gordon, A. Psycho-analysis.... J. N. a. M. D. 1911, 287.
16. Hall, H. J. Manual Work in the Treatement of the Fun. Ner. Diseases. The Journ. of Amer. Med. Ab LV, 295.
17. Jones, E. Psycho-analytic Method of Treatemeut. J. N. a. M. D, 1910.
18. „ The Action of Suggestion in Psychotherapy. J. Ab. Ps. Dec. 1910, Jan. 1911.
19. „ The Psychopathology of every day Life. Am. Journ of Psychol. Oct. 1911.
20. „ The Relationship between Dreams and psych. Symptoms. Amer. Journ. of Insanity. 1911, July.
21. „ Pathology of Morbid Anxiety. J. Ab. Ps. VI, 82.
22. Jeliffe. Hysteria and the Re-education Method of Dubois. N. У. M. J. May, 1908.
23. „ The Re-education Method of Dubois. J. N. a. M. D. June 1908.

24. Mills. Psycho-therapy. Month. Cyclop. aud Med. Bullet. July, 1908.
25. Münsterberg. Psychotherapy. New Jork. 1909.
26. Onuf. Dreams and... J. Ab. Ps. IV. 339.
27. Mac Phee J. J. Psychotherapy. N. У. M. J. May, 1910.
28. Prince, Morton. The Mecanisme and interpretation of Dreams. J. Ab. Ps. 1910, № 4.
29. Putnam, J. J. Personal Experience with Freud's Psychoanalytic Method. J. N. a. M. D. 1910, 657.
30. ,, A. Plea for Study of Philosophie Methods..... J. Ab. Ps. VI, 249.
31. ,, Recent Experiment in the Study and Treatement of Hysteria. J. Ab. Ps. April, 1906.
32. Sidis Boris. The psychotherapeutic Value of the Hypnoidal State. Boston Med. and Surg. Jour. 1909, Aug., Sept.
33. „ Fear, Anxiety and psychopatic Maladies. J. Ab. Ps. 1911, 107.
34. ,, Fundamental States in Psychoneuroses. J. Ab. Ps. V, 320.
35. Taylor, E. W. Possibilities of modified Psychoanalysis. J. Ab. Ps. VI, 449.
36. Taylor and Linenthal the analytic Method in Psychotherapeutic. Boston Med. and Surg. Jour. 1906, 541.
37. Walsh, J. Psychotherapy. Appelton, 1912.
38. Waddle. Miracles of Healing. Amer. Journ. of Psychol. 1909, 219
39. Waterman, G. A Dreams as a cause of Symptoms. J. Ab. Ps. V, 196.
40. Williams. Considerations as to the Natur of Hysteria. Internat. Clinics, 1908, 44.
41. Witmer. Mental Healing and the Emmanuel Movement. Psychol. Clinic. 1908—1909.

При обозначеніи журналовъ употреблялись слѣдующія сокращенія:

J. Ab. Ps.=Journal of Abnormal Psychology.
J. N. a. M. D.=Journal of Nervous and Mental Disease.
N. У. M. J.=New-Iork Medical Journal.

Обзоры.

Обзоръ журналовъ.

Zentralblatt f. Psychoanalyse. I Jahrg. H. 12.

Книжка открывается привѣтствіемъ Ш. Психоаналитическому конгрессу и къ ней приложенъ хорошо исполненный портретъ S. Freud'a.

James J. Putnam. Личныя изслѣдованія съ психоаналитическимъ методомъ Freud'a. Авторъ излагаетъ

свои первые шаги и опыты работы съ психоанализомъ; въ видѣ иллюстрацій приводятся примѣры изъ практики. Ни изложеніе, ни казуистика не даютъ матеріала, интереснаго для реферированія.

Karl Abraham. Нѣкоторыя замѣчанія о культѣ матери и его символикѣ въ психологіи индивидуума и народа. Изъ анализа сновъ и неврозовъ мы знаемъ, что материнское тѣло часто изображается при помощи извѣстныхъ повторяющихся символовъ. Особенно часто встрѣчаются два образа: или уединенный домъ въ саду или лѣсу, гдѣ нѣкогда, какъ думается, раньше жили, или скрытое помѣщеніе съ узкимъ проходомъ, въ которое можно укрыться, спасаясь отъ опаснаго положенія. Въ подтвержденіе Abraham приводитъ такіе примѣры.

I. A. сообщаетъ о постоянно повторяющейся съ большой зрительной силой фантазіи изъ временъ его юности. Онъ представляетъ себѣ великолѣпную виллу въ большомъ южномъ паркѣ. При этомъ онъ испытываетъ чувство, будто онъ мальчикомъ жилъ въ этомъ мѣстѣ.

II. Б., страдающій состояніями тревоги, въ своихъ грезахъ перемѣщаетъ себя въ закрытое мѣсто. Глубоко въ лѣсу и подъ землею находится только ему извѣстная комната. Его высшее желаніе тамъ уединенно переживать свои фантазіи.

Ш. В. однажды видѣлъ во снѣ: онъ находится въ пустынной полной ужаса мѣстности между скалами. Вдругъ камни начинаютъ на него падать. Наконецъ, сыплется градъ камней. Въ то время, какъ онъ мечется въ страшной тревогѣ, онъ испытываетъ чувство, будто гдѣ-то есть отверстіе въ землѣ; въ него онъ долженъ скользнуть, чтобы быть въ совершенной безопасности. «При этомъ у него блаженное чувство чего-то теплаго, материнскаго».—Паціентъ въ дѣтствѣ часто подвергался наказаніямъ со стороны очень жестокаго отца. (Градъ камней, на него падающій). При этихъ сценахъ его тогда охватывала тревога. Въ своей фантазіи онъ освобождался отъ этой тревоги, спасаясь въ тѣло матери.

Въ этихъ примѣрахъ болѣе или менѣе легко можно узнать «фантазіи о материнскомъ тѣлѣ». Приведенныя наблюденія, по мнѣнію Abraham'a, не столько должны обогащать казуистику этихъ фантазій, сколько служить для сравненія съ родственными явленіями въ психологіи народовъ. Въ этомъ отношеніи можно упомянуть о библейскихъ мифахъ о рожденіи и возрожденіи человѣческаго рода. Первый мифъ символическій садъ Эденъ, послѣдній—домъ («Ковчегъ»). Ной живетъ въ немъ въ теченіе промежутка времени, который приблизительно соотвѣтствуетъ продолжительности человѣческой беременности.

Въ особенности же на эту связь можно было бы указать въ нѣкоторыхъ мало извѣстныхъ культахъ материнскаго тѣла. Въ Россіи существуетъ мѣстная религіозная секта,

послѣдователи которой называются «дыромолы». Въ своихъ жилищахъ они просверливаютъ въ стѣнѣ дыру, передъ которой служатъ своему культу. Ихъ молитвенная форма гласитъ: «Изба моя, дыра моя, спаси меня» [1]).

Л. Дрознесъ. Психоаналитическая организація для борьбы съ самоубійствами. Главный контингентъ самоубійцъ составляютъ невротики. Своевременно поданная и цѣлесообразная помощь можетъ зачастую предупредить роковую развязку. Поэтому авторъ предлагаетъ организовать помощь въ видѣ пріемовъ врачами-психотерапевтами, въ частности психоаналитиками.

E. Hitschmann. Къ сексуальной символикѣ сновидѣній. Сексуальная символика представляетъ одно изъ основныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ трудно понимаемыхъ средствъ выраженія безсознательнаго мышленія, и изученіе его въ высшей степени необходимо, какъ одного изъ орудій психоаналитическаго изслѣдованія. Многіе сексуальные символы въ настоящее время уже хорошо извѣстны психоаналитикамъ, — напр., змѣи, птицы, стволъ дерева, печь, шкапъ и т. п., или восхожденіе на гору, состояніе «дѣлаться больше или меньше» (символика penis'a), и т. д. Hitschmann приводитъ слѣдующія интересныя въ этомъ отношеніи наблюденія.

I. Сонъ 32-лѣтней больной, страдающей неврозомъ навязчивости. «Я стояла съ однимъ господиномъ въ корридорѣ. Три среднихъ пальца тонкой перчатки, заключавшія въ себѣ упругую пружину (вслѣдствіе чего они могли сами подпрыгивать вверхъ и внизъ), прыгали каждому въ лицо (кому первому, не знаю). Господинъ сказалъ: остерегайтесь и отодвиньтесь, если они прыгнутъ въ ваше лицо: такъ какъ тогда вы попадетесь и заразитесь болѣзнью.

Пальцы прыгнули мнѣ въ лицо нѣсколько разъ и я стараюсь отъ этого отдѣлаться. Тогда мы смотримъ въ окно внизъ, видимъ—тамъ стоитъ дѣвушка. Господинъ, которому три пальца прыгнули въ лицо, бросаетъ ихъ на дѣвушку. Я успокоилась. Но они вновь прыгнули мнѣ въ лицо. Тогда я выкинула ихъ въ окно, они разлетѣлись какъ папироска. Я вошла въ комнату, гдѣ находились мама, кузенъ и еще люди. Я разсказала объ этомъ и спросила, заражена ли я болѣзнью. Мнѣ отвѣтили съ сомнѣніемъ. Я пробудилась въ ужасѣ».

Болѣзнь паціентки обнаружилась съ тѣхъ поръ, какъ она сдѣлалась жертвой главы бюро, гдѣ она служила, который возбуждалъ сексуально ее рукой и мастурбировалъ, точно такъ же какъ дѣлалъ съ ней въ дѣтствѣ одинъ мальчикъ.

Толкованіе автора: число три, перчатка-чехолъ, меха-

---

[1]) Авторъ приводитъ это причитаніе на русскомъ языкѣ, но къ сожалѣнію не указываетъ, откуда онъ почерпнулъ свои свѣдѣнія объ этой „сектѣ". Н. В.

ника упругой пружины, летаніе (прыганіе), зараженіе болѣзнью (что значитъ также: наступленіе беременности) указываютъ на символику penis'a. «Если бы это былъ penis!», повидимому, тутъ замѣшано это желаніе.

II. Сонъ 22-лѣтняго невротика. «Я перегибаюсь черезъ подоконникъ и крошу известку со стѣны дома. Затѣмъ открываю водяной кранъ (безъ раковины подъ нимъ), находящійся подъ подоконникомъ, и пускаю воду течь изъ дома въ квартиру. Затѣмъ, я внизу въ этой квартирѣ и препираюсь съ людьми изъ-за этого случая. Тамъ много людей, которые группами бесѣдуютъ другъ съ другомъ. Одна дама беретъ хлыстъ или что-то въ этомъ родѣ, чтобы побить собаку».

Толкованіе: паціентъ, который и во время леченія еще не могъ оставить мастурбацію, вспоминаетъ, «какъ въ дѣтствѣ, также стоя у окна, началъ онанировать». Дама, бьющая собаку, соотвѣтствуетъ мазохистской мастурбаціонной фантазіи. Въ дѣтствѣ паціентъ любилъ также мочиться съ балкона внизъ, страдалъ ночнымъ недержаніемъ мочи и около полугода предъ тѣмъ, вслѣдъ за однимъ сномъ съ полюціей опять сталъ мочиться въ постели.

III. Сонъ 37-лѣтняго психическаго импотента. «Было такъ, будто я былъ у васъ на пріемѣ и шелъ домой, при чемъ направлялся по улицѣ Кертнера. Вдругъ всѣ люди смотрятъ на небо и я также. Тамъ огромный воздушный шаръ въ формѣ балки, зеленого цвѣта отъ бури онъ сильно колеблется туда и сюда. Вдругъ съ ужаснымъ шумомъ онъ падаетъ внизъ и начинаетъ горѣть. Я пробуждаюсь возбужденный и встревоженный».

Толкованіе: паденіе шара, какъ символика опадающаго ante portas эрегированнаго penis'a часто встрѣчается у страдающихъ impotentia coeundi (ejaculatio praecox).

IV. Сонъ 35-лѣтняго мужчины, страдающаго психической импотенціей въ трехлѣтнемъ бракѣ. «Мы были въ обществѣ, туда былъ принесенъ ребенокъ невѣстки, принесенъ кормилицей, которая держала его на рукѣ. Однако, кормилица была не женщина, а мужчина, имѣла черную бороду и трубку во рту. Я запретилъ ему курить; тогда произошелъ споръ между дамами».

Толкованіе: паціентъ сообщаетъ изъ времени, когда ему было 6 лѣтъ, слѣдующее. Его домашній учитель, когда онъ однажды пытался мочиться въ учебной комнатѣ, взялъ мальчика на руку и заставилъ мочиться къ себѣ in os, что вызвало у паціента большое отвращеніе. Изъ чувства виновности онъ объ этомъ, однако, никогда ничего не сказалъ.

C. G. Jung. Къ пониманію числовыхъ сновъ. Анализъ такихъ сновъ показываетъ, что числа, входящія въ содержаніе сновъ, имѣютъ символическое, нерѣдко сложное, значеніе. Авторъ приводитъ рядъ своихъ наблюденій, при чемъ оговаривается все-таки, что заключенія не имѣютъ

вполнѣ твердой почвы, однако-же факты сами по себѣ настолько интересны, что достойны опубликованія. Для уясненія дѣла ограничимся слѣдующимъ примѣромъ.

Женатый господинъ, среднихъ лѣтъ, переживаетъ эротическій конфликтъ. Однажды онъ видитъ во снѣ свой генеральный абонементъ; спящій отмѣчаетъ высокій нумеръ абонемента; этотъ нумеръ 2477.

Анализъ сна обнаруживаетъ нѣчто неблагородное, несвойственное натурѣ сновидца, высчитываніе издержекъ на его возлюбленную, чѣмъ пользуется безсознательное какъ сопротивленіемъ этой связи. Ближайшее толкованіе было бы въ пользу финансоваго значенія этого числа. Приблизительный подсчетъ расходовъ приближается къ 2477 франкамъ; на самомъ дѣлѣ издержки составляютъ 2387 фр. Тогда паціенту предлагается высказываться свободно (методъ свободныхъ ассоціацій). Ему приходитъ въ голову, что надо раздѣлить число: 24—77. Можетъ быть, это нумеръ телефона. Это предположеніе признается невѣрнымъ. Можетъ быть, это сумма какихъ нибудь цифръ. Тутъ вспоминается, что паціентъ праздновалъ 100-лѣтіе рожденія матери и свое, именно, когда матери было 65, а ему 35 лѣтъ. Ихъ дни рожденія приходятся на одинъ день. Такимъ путемъ паціентъ приходитъ къ слѣдующему ряду чиселъ:

Онъ родился	26. II.
Его возлюбленная	28. VIII.
Его жена	1. III.
Его мать (отецъ умеръ давно)	26. II.
Его двое дѣтей	29. IV.
	и 13. VII.
Онъ родился	II. 75.
Его возлюбленная	VIII. 85.

Ему теперь 36 лѣтъ, его возлюбленной 25. Если написать эти цифровыя обозначенія въ видѣ обыкновенныхъ чиселъ, то получится слѣдующій рядъ:

28. VIII.=288
26. II.=262
1. III.= 13
и т. д. 262
294
137
885
275
25
36

Сумма 2477

Изъ этого ряда, въ который заключены всѣ члены его семейства, получается число 2477. Это построеніе ведетъ въ

глубины сна: паціентъ необыкновенно привязанъ къ своей семьѣ, съ другой стороны онъ влюбленъ въ свою возлюбленную, что создаетъ ему тяжелый конфликтъ.

Въ другихъ сновидѣніяхъ паціента фигурируютъ числа и цифры приблизительно въ тѣхъ же направленіяхъ, иногда еще болѣе запутанно и сложно; сопоставленія, какъ и въ этомъ случаѣ, кажутся мало убѣдительными.

A. Maeder. О двухъ женскихъ типахъ. Въ литературѣ существуетъ два извѣстныхъ типа женщины, которые противопоставляются другъ другу: клиторный типъ и маточный типъ. Это, конечно, крайніе типы, между которыми существуетъ цѣлый рядъ переходовъ. Психоаналитическое изслѣдованіе привело автора къ подтвержденію правильности такого раздѣленія. На основаніи своего матеріала Maeder даетъ слѣдующія краткія характеристики обоихъ типовъ.

I. Маточный типъ. Для такихъ женщинъ мысль о материнствѣ, о ребенкѣ составляетъ центръ всей ихъ духовной жизни. Это остается для нихъ интересомъ во всѣхъ возрастахъ. Уже въ въ три—четыре года маленькая дѣвочка любитъ возиться съ куклами, гдѣ можно, уже съ младшей сестренкой, она хочетъ ухаживать за ней, носитъ ее на своихъ ручкахъ какъ мать. (Одна паціентка, напр., съ воодушевленіемъ передавала о томъ чувствѣ блаженства, какое она испытывала въ три года, если ей приходилось носить на рукахъ и няньчить маленькихъ; это было началомъ ея любви къ дѣтямъ). При играхъ съ дѣтьми того же возраста она заботится о нихъ, какъ насѣдка о своихъ цыплятахъ. Она всегда хотѣла бы имѣть братцевъ и сестрицъ, и если ея желаніе не исполняется, то она надѣется, что родители возьмутъ хоть чужое дитя. Она присосѣживается къ замужнимъ сестрамъ или родственицамъ, чтобы постоянно возиться съ дѣтьми. На улицѣ ее тянутъ къ себѣ дѣти, она идетъ къ нимъ, привѣтствуетъ и т. д. Обыкновенно она не легко влюбляется, не страстно; она выходитъ замужъ не изъ-за любви, а для того, чтобы имѣть дѣтей. Весьма характеренъ крикъ сердца одной такой женщины: «Господи, если бы только можно было имѣть дѣтей безъ мужчины!». Уже внѣшность изобличаетъ въ ней больше мать, чѣмъ супругу. Обыкновенно съ внѣшней стороны у нея нѣтъ ничего блестящаго, пикантнаго, вызывающаго; она не привлекаетъ поклонниковъ, не склонна къ флирту. Въ бракѣ она мало чувственна, лучше всего чувствуетъ себя во время беременности, которой гордится; къ coitus'у относится, какъ къ необходимому злу. Къ ребенку она относится съ большою любовью и самоотверженностью и для него готова къ жертвамъ своими интересами. Кормленіе грудью для такихъ матерей блаженство. Когда находится съ ребенкомъ, она смотритъ преображенной. Глаза блестятъ, возбужденно привѣтливы, выраженіе лица необычайно оживлено. Блестящій примѣръ этого представляютъ,

между прочимъ, мадонны Мурилльо. Такая женщина умѣетъ съ своимъ ребенкомъ говорить лучше, чѣмъ со взрослыми.

Женщина этого типа нерѣдко выходитъ замужъ поздно, она охотно работаетъ на общественномъ поприщѣ, напр., въ ясляхъ, очагахъ для дѣтей, въ «каплѣ молока» и т. д., гдѣ она находитъ обширное поле для проявленія материнскихъ чувствъ.—Дома она часто бываетъ заботливой хозяйкой, которая не ищетъ развлеченій и лучше всего чувствуетъ себя въ спокойномъ кругу семьи.

Во всѣхъ случаяхъ маточнаго типа открывается наличность сильнаго материнскаго комплекса; мать такой женщины обыкновенно является личностью, обладающей большимъ вліяніемъ, доминирующей изъ двухъ родителей; она уже давно была идеаломъ для дѣвушки, которая постепенно достигла идентификаціи съ матерью. Установка со временемъ фиксировалась и типъ матери реализовался.

II. Клиторный типъ можно также назвать чувственнымъ типомъ женщины. Здѣсь центръ психической жизни въ сексуальномъ наслажденіи. Материнство—тягость, дитя—непріятный или безразличный «побочный продуктъ» любви. Такая женщина въ дѣтскіе годы бываетъ обычно очень возбудимой, дерется съ своими братьями и сестрами, больше всего любитъ играть съ мальчиками. Очень часто встрѣчается сильная дѣтская мастурбація (раздраженіе клитора); нерѣдко эксгибиціонизмъ, при которомъ дѣвочка играетъ активную роль. Воспитаніе переносится тягостно; такая дѣвушка-подростокъ больше всего хотѣла бы быть мальчикомъ, позднѣе она и бредитъ объ этомъ много. Въ этихъ грезахъ она играетъ мужскую роль особенно въ сексуальномъ отношеніи.

Спорту (верховой ѣздѣ, охотѣ и т. п.) она отдается со страстью. Обыкновенно удается болѣе или менѣе ясно отмѣтить слѣдующія черты: страстна, очень вспыльчива до припадковъ гнѣва, агрессивна и предпріимчива, обыкновенно очень тщеславна; она хочетъ вездѣ быть первой, сохранять свое положеніе, играть руководящую роль; она проявляетъ необычайную ревность по отношенію къ каждой замѣтной женщинѣ изъ окружающаго общества. Такая женщина ищетъ любви женатаго или иначе связаннаго человѣка; она дѣйствующій элементъ въ извѣстномъ треугольникѣ. Въ бракѣ она обыкновенно командуетъ.

Женщина этого типа въ брачной жизни очень чувственна и съ повышенными въ этомъ отношеніи требованіями. Сексуальныя отношенія для нея имѣютъ капитальное значеніе, въ противоположность маточному типу, въ которомъ coitus необходимое зло, а ребенокъ источникъ наслажденія. Такая женщина стремится остаться молодой и прекрасной, дѣлаетъ много туалетовъ, часто блестящихъ, любима въ обществѣ. Ее обыкновенно выдаютъ ея мимика и страсть къ туалетамъ. Про нее другія женщины говорятъ: «она преображается, какъ только въ обществѣ появляется мужчина».

При этомъ второмъ типѣ женщины, какъ правило, мы встрѣчаемся съ отцовскимъ комплексомъ. Отецъ былъ доминирующей личностью; переносъ на отца (Vaterübertragung) повлекъ за собой со стороны дѣвушки идентификацію съ отцомъ. Нѣкоторое число по преимуществу мужскихъ психическихъ свойствъ выступаетъ при клиторномъ типѣ. Существеннымъ пунктомъ представляется наклонность къ диссоціаціи между сексуальными стремленіями и произведеніемъ потомства, т. е. типическая черта психологіи мужского пола.

Это, какъ сказано, два крайнихъ типа, большинство же женщинъ принадлежитъ, вѣроятно, къ смѣшанному типу.

Otto Rank. Къ вопросу о «преувеличенномъ повиновеніи». Братья Гриммы въ собраніи «Германскихъ сагъ» приводятъ сагу подъ слѣдующимъ названіемъ: «Осужденный къ стоянію». Вкратцѣ содержаніе ея таково. Въ 1545 г. во Фрейбергѣ ткачъ Лоренцъ Рихтеръ приказалъ своему сыну, 14-лѣтнему мальчику, что-то поспѣшно сдѣлать. Мальчикъ замедлился, остался стоять въ комнатѣ и не пошелъ, какъ ему было приказано. Отецъ разсердился и сказалъ: „ладно, стой, и ты никогда не сможешь выйти". Это проклятіе исполнилось и мальчикъ не двигался уже болѣе съ мѣста. Прошло цѣлыхъ три года, а онъ все стоялъ на томъ-же мѣстѣ, такъ что подъ ногами у него образовались углубленія въ полу. Такъ какъ онъ стоялъ на проходномъ мѣстѣ, что мѣшало движенію людей, то духовенство города, по совершеніи усердной молитвы, перенесло его въ другой уголъ комнаты. Въ послѣдній годъ Богъ сжалился надъ нимъ и смягчилъ наказаніе, и онъ могъ сидѣть и ложиться на постель, которую поставили около него. Вообще онъ всегда молчалъ и на вопросы, обращенные къ нему, отвѣчалъ однообразно, что онъ несетъ наказаніе отъ Бога за свои грѣхи, дѣлаетъ это во славу Христа, за что и будетъ благословенъ. Выглядѣлъ онъ очень плохо, былъ блѣденъ, худъ и истощенъ, до такой степени умѣренъ въ ѣдѣ и питьѣ, что его приходилось насильно кормить. Въ исходѣ седьмого года это помраченное состояніе развязалось и онъ разумно и естественно упокоился съ истинной вѣрой въ Христа. Углубленія въ полу, образовавшіяся отъ его ногъ, и до сихъ поръ можно видѣть въ жилищѣ, гдѣ онъ жилъ» [1]).

O. Rank считаетъ изображенный сагой случай за истерическій параличъ. При этомъ будетъ ли это выдумка жаднаго до чудеснаго времени, или дѣйствительный фактъ, только можетъ быть тенденціозно морально разукрашенный, психологически онъ остается одинаково правдоподобнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ загадочнымъ и необъяснимымъ, столь-же какъ и индиви-

---

[1]) O. Rank приводитъ сагу въ полномъ видѣ, мнѣ же, конечно, приходится ограничиваться сокращенной передачей какъ этой, такъ и нижеслѣдующей саги.—Если вообще ставить діагностики по описаніямъ, даваемымъ литературными произведеніями, то съ неменьшимъ правомъ въ этомъ случаѣ можно было бы остановиться на кататоніи. Н. В.

дуальный психоневротическій симптомъ, и какъ универсальное созданіе здороваго народнаго духа. Психоаналитическое изслѣдованіе также указало въ психическомъ механизмѣ невроза на одинъ процессъ, вполнѣ сходный съ симптомомъ, изображеннымъ въ сагѣ Гриммовъ. Freud это обозначаетъ какъ „преувеличенное послушаніе“ и понимаетъ подъ этимъ преувеличенное вліяніе запретовъ и угрозъ въ дѣтствѣ, которые часто впервые детерминируютъ симптомы болѣзни лишь поздно, черезъ годы и десятилѣтія.

Болѣе сложное и менѣе прозрачное приложеніе мотива „преувеличеннаго повиновенія“ O. Rank находитъ въ другой сагѣ—о происхожденіи пысающаго манекена въ Брюсселѣ. Сага разсказываетъ такъ. Когда Брюссель былъ еще деревней—тысячу, а можетъ быть болѣе лѣтъ назадъ—жилъ тамъ одинъ благородный человѣкъ, очень счастливый; единственнымъ его огорченіемъ было то, что у него не было дѣтей. По молитвѣ одного благочестиваго епископа, жена, наконецъ, родила ему сына и отецъ понесъ ребенка крестить къ святой дѣвственницѣ Гудулѣ. Тамъ онъ воспылалъ любовью къ Гудулѣ, но такъ какъ его домогательства были отвергнуты, то онъ хотѣлъ взять ее силой. Она бѣжала отъ него и скрылась въ каменной колоннѣ, которая раскрылась по ея молитвѣ. Святая, уже изъ колонны, прокричала ему, что этотъ грѣхъ будетъ отомщенъ на его ребенкѣ.

Ребенокъ становился старше и старше, но не становился больше, и въ семь лѣтъ не достигалъ и двухъ футовъ, а въ 15 лѣтъ былъ едва-ли въ три фута. Онъ былъ дурнымъ и злымъ мальчикомъ. Однажды онъ сталъ передъ дверью одной кельи и опысывалъ ее сверху и донизу. Не успѣлъ онъ еще докончить своего дѣла, какъ изъ-за двери показалась голова отшельника, который спокойно сказалъ: пысай дружокъ, пысай; ты долго еще долженъ будешь здѣсь пысать; сказавъ это, онъ опять закрылъ дверь. Мальчикъ остался стоять недвижимымъ и продолжалъ пысать день и ночь.

Такъ какъ мальчикъ не возвращался домой, то отецъ сталъ его искать и нашелъ въ изображенномъ положеніи: «какъ бы окаменѣлымъ», и какъ онъ его ни трясъ и ни толкалъ, какъ ни обливалъ горячими слезами, малышъ (der Kleine) оставался оцѣпенѣлымъ.

Изъ кельи вышелъ отшельникъ, котораго отецъ просилъ дать отпущеніе его сыну. На эти просьбы отшельникъ сказалъ: я не могу тебѣ помочь; ты заслужилъ это отъ св. Гудулы.

Твой сынъ пысаетъ и будетъ пысать вѣчно; однако, я охотно дамъ тебѣ совѣтъ: построй ему домикъ для защиты отъ непогоды и отдайся на волю Божію. Отецъ такъ и сдѣлалъ; построилъ и себѣ домъ напротивъ, чтобы постоянно видѣть свое дитя. Мальчикъ пысаетъ и до сихъ поръ и

стоитъ на углу Офенштрассе въ Брюсселѣ, гдѣ его каждый можетъ видѣть.

Сходство приведеннаго здѣсь мотива преувеличеннаго (невротическаго) послушанія съ психическимъ механизмомъ, изображеннымъ въ сагѣ Гриммовъ, настолько ясно, что нѣтъ надобности въ проведеніи детальныхъ параллелей. Но свойства матеріала здѣсь даютъ возможность къ болѣе глубокому пониманію образованія саги и принимающихъ въ этомъ участіе психическихъ импульсовъ, въ особенности если использовать наши познанія о символическихъ способахъ выраженія безсознательнаго. Если посмотрѣть на половое посягательство, о которомъ разсказано въ началѣ саги съ чисто человѣческой точки и отбросивъ всю чудесную сторону, то дѣло сведется къ тому, что у сексуально возбужденнаго человѣка вслѣдствіе внезапнаго исчезновенія святой была отнята всякая возможность нормальнаго удовлетворенія полового желанія и онъ cum pene erecto долженъ былъ сдержать эякуляцію. Изъ анализовъ сновъ извѣстно, что „малышъ“ (der Kleine) чрезвычайно часто фигурируетъ, какъ символъ penis'a (Stekel) и, если вспомнить слова, приписываемыя сагой отцу при попыткѣ освободить сына—«малышъ оставался оцѣпенѣлымъ», то неподвижную оцѣпенѣлость сына можно толковать какъ символическое выраженіе эрекціи у отца, которая не прекратилась вслѣдствіе не наступившей эякуляціи. Тогда на проклятіе, постигшее «малыша», можно смотрѣть какъ на возмездіе за нечестивое половое посягательство отца, а постоянное пысаніе тогда объясняется какъ компексаціонное замѣщеніе не наступившей эякуляціи. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что такое замѣстительство мочеиспусканія и эякуляціи типично для дѣтской сексуальной жизни и для безсознательнаго (невротическаго) мышленія. Съ значеніемъ «малыша», какъ penis'a, вполнѣ согласуется замѣчаніе, что онъ хотя и становился старше, но не дѣлался больше, и тотъ фактъ, что исключительной его функціей была функція мочеиспусканія. Въ глубинѣ (въ безсознательномъ) сагъ осуществленіе проклятія проявляется не столько преувеличеннымъ послушаніемъ, какъ возмездіемъ за недозволенное сексуальное желаніе.

G. Rosenstein. Отношенія сна и остротъ. Одинъ чиновникъ разсказалъ однажды автору, что видѣлъ во снѣ будто умеръ совѣтникъ A. Rosenstein зналъ, что для этого лица имѣютъ значеніе два совѣтника А. и Б. А. добродушный, очень мирный, и Б., прямой начальникъ этого чиновника, на котораго послѣдній имѣлъ основанія жаловаться. На указаніе, что здѣсь дѣло идетъ о желаніи смерти и на вопросъ о причинѣ смерти А., господинъ отвѣчалъ: «отъ удара». Въ сновидѣніи онъ придалъ невинную окраску и замаскировалъ свое желаніе смерти, перенеся событіе на другое лицо къ которому у него не было никакихъ враждебныхъ чувствъ. Тогда авторъ сказалъ ему: «Вы сдѣлали небольшой сдвигъ. Вы думали, конечно, о другомъ

совѣтникѣ». На это не послѣдовало ни утвержденія, ни отрицанія, только долгосдерживаемый смѣхъ и затѣмъ замѣчаніе, что авторъ блестяще сострилъ. Въ послѣдующіе дни господинъ разсказывалъ всѣмъ знакомымъ о знаменитой остротѣ автора.

J. Sadger. Къ сексуальному вопросу. Въ первой части статьи,— о генеалогіи любви,—Sadger, на основаніи показаній одного паціента, отмѣчаетъ своеобразную невротическую установку любовнаго чувства къ женщинѣ, которое носитъ черты материнской любви. Во второй,—объ инфантильной теоріи совращенія въ сексуальную жизнь,— передаетъ дѣтскія фантазіи о томъ, будто родители должны были ввести ребенка въ половыя отношенія и будто это должно было произойти съ матерью.

Wilh. Stekel. Нѣкоторыя замѣчанія къ фантазіи спасенія и анализъ сновидѣнія со спасеніемъ. Freud въ своей работѣ «къ психологіи любовной жизни» [1]) далъ разъясненіе фантазіямъ спасенія. Каждое дитя забавляется съ фантазіей «спасать» своихъ родителей. «Спасти отца» означаетъ отплатить за старый долгъ—подарокъ жизни. «Спасти мать» имѣетъ другое значеніе, какъ это видно изъ словъ Freud'a: «Особенно ясно значеніе сонныхъ фантазій со спасеніемъ изъ воды. Если мужчина спасаетъ женщину изъ воды, то это означаетъ: онъ дѣлаетъ ее матерью, или онъ дѣлаетъ ее своею матерью. Если женщина спасаетъ дитя изъ воды, то этимъ она, какъ дочь короля въ сагѣ о Моисеѣ, признаетъ себя его матерью, что она родила его».

Это значеніе фантазій о спасеніи Stekel подтверждаетъ на основаніи своихъ анализовъ. Но удивительная работа сгущенія сна показываетъ, что символъ спасенія имѣетъ множественную детерминацію. Въ символѣ спасенія обнаруживается также «биполярность» тѣмъ, что рядомъ съ значеніемъ даренія жизни въ немъ содержится и значеніе отнятія жизни. Иными словами: спасти кого-либо означаетъ также убить кого-либо.

Для доказательства этой мысли Stekel начинаетъ съ анализа слѣдующаго своего наблюденія.

„Сновидецъ, студентъ 27 лѣтъ, страдаетъ тяжелымъ неврозомъ боязни. На первомъ планѣ въ картинѣ болѣзни стоитъ тяжелая, владѣющая всѣми его помыслами и дѣйствіями сифилофобія. Содержаніе сновидѣнія таково:

Я вижу на озерѣ лодку, въ которой сидятъ Максъ, моя сестра Анна и Отто. Я подхожу къ берегу. Съ быстротою молніи они причаливаютъ къ берегу и заставляютъ меня войти въ лодку. Я боюсь, что лодка потонетъ. Въ тотъ моментъ, когда я вхожу, сестра моя падаетъ въ воду. Я нахожусь то-

---

[1]) Jahrbuch für Psychoanalytischen Forschungen etc. B. II. S. 390. Русск. переводъ см. „Психотерапія", 191 стр. Н. В.

же глубоко въ водѣ и стараюсь спасти сестру. Я держу ее на своихъ поднятыхъ кверху рукахъ и жду, что стоящіе на берегу что нибудь предпримутъ для нашего спасенія. Но спасеніе не является и меня охватываетъ страхъ, что сестра за это время можетъ захлебнуться. Я несу ее на берегъ. Остальные куда-то ушли, чтобы организовать поскорѣе помощь. Я одинъ съ моею сестрою. Я боюсь, жива ли она. Изъ сосѣдней комнаты кто-то выходитъ. Молча, я даю понять, что сестра моя спитъ. Я положилъ ее на постель. Она еще слегка движется, но глаза ея закрыты; они покрыты гноемъ.

Анна—сестра сновидца, котораго мы обозначимъ буквой X. Въ послѣднія недѣли анализа, X. обнаружилъ вполнѣ типичный комплексъ сестры. Онъ враждуетъ съ своимъ зятемъ, хотя для этого не было никакого повода, и объяснить эту ненависть онъ себѣ не можетъ, не смотря на самыя горячія старанія. Максъ—его двоюродный братъ, пользующійся особеннымъ предпочтеніемъ со стороны сестры. X. ревнуетъ кузена и всегда былъ его соперникомъ. Они учились вмѣстѣ и были друзьями, и настолько другъ друга ненавидѣли, что однажды въ лихорадкѣ Максъ закричалъ: „Дайте ножъ! Я хочу убить X.!“ Отто—также предметъ его ревности. Отто—знаменитый артистъ, у котораго Анна долго брала уроки, когда хотѣла поступить на сцену. Отто считался опаснымъ Донъ Жуаномъ, имѣвшимъ большой успѣхъ у женщинъ. Отъ этого происходило то, что Анна плохо жила съ мужемъ, и неоднократно заходила рѣчь объ уходѣ и разводѣ. X. имѣлъ еще другія основанія сосредоточить свое чувство ревности на Максѣ и Отто.

Начало сновидѣнія указываетъ на опасное положеніе сестры. Она въ лодкѣ съ Максомъ и Отто. Онъ долженъ спасти сестру, пока не поздно. Дальнѣйшій ходъ анализа сна подверждаетъ открытое Freud'омъ толкованія сновъ со спасеніемъ: онъ хотѣлъ-бы сдѣлать матерью свою сестру. Но внезапно мысль сновидца уклоняется въ сторону. Ему вспоминается сцена изъ „Ричарда III“. Къ Кларенсу приходятъ подкупленные Ричардомъ убійцы. Для защиты онъ ссылается на своего брата Ричарда, который обѣщалъ его „спасти“. „Онъ плакалъ о моемъ несчастіи, заключилъ меня въ объятія и поклялся съ рыданіями исходатайствовать мнѣ свободу“. На это убійца отвѣчаетъ: „Это онъ и дѣлаетъ, освобождая васъ отъ земного рабства для небесныхъ радостей“.

Точно также и въ сновидѣніи спасеніе означаетъ убійство. Сестра должна быть спасена смертью отъ соблазна разврата.

При этомъ прорываются наружу его могучіе некрофильные инстинкты. Онъ обнаруживаетъ тѣ ужасныя некрофильныя фантазіи невротиковъ, которыя наполняются надругательствомъ и изуверствомъ надъ трупами. Такія некрофиль-

ныя стремленія встрѣчаются гораздо чаще, чѣмъ a priori можно думать. Вода получаетъ при этомъ значеніе крови.

Рѣчь идетъ о кровавомъ купаньѣ!

„Изъ сосѣдней комнаты кто-то выходитъ“. Это выходитъ смерть. Сестра должна погрузиться въ вѣчный сонъ. Слова „глаза покрыты гноемъ“ выражаютъ защитное представленіе, которое должно защищать его отъ инцеста, должно „сохранить“ его невинность. Сестра заражена Максомъ, сыномъ люетика, или Отто (у котораго, навѣрно, есть lues), обнаруживается перенесеніе снизу вверхъ, глазъ замѣняетъ влагалище.

Выходитъ такъ, какъ будто сновидѣніе предостерегало его отъ совершенія преступленія, такъ какъ при этомъ онъ также могъ получить зараженіе. Дѣйствительно, онъ всегда боится зараженія крови трупнымъ ядомъ,—фобія, связанная съ сифилофобіей.

Такимъ образомъ мы видимъ, что въ этомъ сновидѣніи фантазія спасенія превращается по закону биполярности въ фантазію убійства, какъ въ свою противоположность. Онъ боится, что сестра за это время захлебнется, т. е. падетъ морально. Онъ хочетъ ее спасти тѣмъ, что убьетъ ее. Этотъ мотивъ такъ часто разрабатывался въ сагахъ и въ поэзіи (Лукреція, Эмилія Галотти и др.), что онъ принадлежитъ, очевидно, къ типичнымъ мотивамъ. При этомъ выступаютъ старыя чувства ненависти. Сестра была первымъ ребенкомъ и всегда была предметомъ его безграничной зависти. Въ своемъ сновидѣніи онъ долженъ ее умертвить изъ за любви, изъ за высшихъ этическихъ мотивовъ, даже по чувству долга. При ничтожномъ грѣхѣ, онъ можетъ получить высшую радость.

Заслуживаетъ особаго изслѣдованія вопросъ о томъ, что всѣ некрофильныя побужденія имѣютъ отношеніе къ комбинаціи ненависти и мысли объ убійствѣ съ компенсирующими любовными стремленіями. Въ данномъ случаѣ это такъ и было. Другимъ мотивомъ для некрофиліи, является беззащитность и безмолвіе мертваго. Обратите вниманіе на удивительную фразу: «я боюсь, жива ли она».

Извѣстный страхъ привидѣній и выходцевъ съ того свѣта происходитъ отъ извѣстнаго сомнѣнія: «что, если-бы мертвые могли говорить и мстить!».

Боязнь сифилиса у этого невротика обнаружила корень, на который можно было бы указать во всѣхъ этихъ случаяхъ: фантазія инцеста, нечистое своихъ криминально-сексуальныхъ фантазій замѣщается «сифилисомъ». Сифилисъ есть символъ нечистоты, подлости.

Rich. Wagner. Маленькая замѣтка къ «Психопатологіи обыденной жизни». «Перечитывая старую тетрадь, я нашелъ, что при скорописи у меня произошла маленькая описка. Вмѣсто «Epithel» я написалъ «Edithel». При удареніи на первомъ слогѣ это образуетъ уменьшительное женскаго имени. Ретроспективный анализъ достаточно простъ.

Въ пору этой описки у меня было знакомство съ носительницей этого имени, но совершенно поверхностное, которое только уже много позже перешло въ интимное сближеніе. Описка является прекраснымъ указаніемъ на прорвавшуюся безсознательную склонность въ то время, когда я и самъ ничего не подозрѣвалъ, а избранная уменьшительная форма характеризуетъ сопутствующія одновременно чувства».

Н. Вырубовъ.

Рецензіи.

André-Thomas. Psychotherapie. (Психотерапія). Paris, 1912. Ballière édit. 520 стр.

A. Thomas—ученикъ проф. Déjerine'a, написавшаго къ только что вышедшей книгѣ о психотерапіи краткое предисловіе.

Настоящая монографія представляетъ довольно подробный обзоръ современнаго положенія психотерапіи во Франціи; работамъ иностранныхъ авторовъ Thomas удѣляетъ значительно меньше вниманія, чѣмъ французскимъ.

Въ первой части A. Thomas описываетъ и подвергаетъ критической оцѣнкѣ отдѣльные психотерапевтическіе методы—внушеніе, гипнозъ, убѣжденіе, изоляцію.

Во второй части авторъ излагаетъ примѣненіе этихъ методовъ при отдѣльныхъ клиническихъ формахъ, при чемъ не ограничивается описаніемъ тѣхъ формъ, гдѣ психическое леченіе признано необходимымъ, какъ при психоневрозахъ, но и даетъ обзоръ попытокъ утилизировать психическое воздѣйствіе и для леченія психозовъ—меланхоліи, folie morale, состояній спутанности (confusion mental). Отдѣльная глава посвящена воспитанію идіотовъ и анормальныхъ дѣтей.

Въ послѣднихъ главахъ авторъ описываетъ различные методы перевоспитанія, употребляемые при органическихъ заболѣваніяхъ нервной системы—при афазіяхъ, хореѣ, при tabes dorsalis.

Благодаря полнотѣ изложенія, книга Thomas можетъ оказать цѣнныя услуги при справкахъ и желающимъ ознакомиться детальнѣе съ остальными вопросами, но для начинающихъ, благодаря массѣ собраннаго матеріала и нѣкоторой конспективности изложенія, чтеніе ея можетъ показаться нѣсколько затруднительнымъ.

В. Лихницкій.

Engelhorn. Nevrosität und Erziehung. (Нервность и воспитаніе). Stuttgardt, 1911. 45 стр.

Въ настоящей брошюрѣ авторъ даетъ общедоступное изложеніе вопроса о зависимости нервности отъ воспитанія.

Взгляды Beard'a, считавшаго неврастенію слѣдствіемъ

переутомленія, авторъ считаетъ неправильными; главныя причины нервности по его мнѣнію—это наслѣдственность и воспитаніе. Борьба съ этими причинами является тѣмъ болѣе трудной, что вліяніе ихъ нерѣдко бываетъ комбинировано. Дѣйствительно, дѣти нервныхъ родителей, болѣе другихъ нуждающіяся въ правильномъ воспитаніи, часто бываютъ поставлены въ особенно неблагопріятныя условія. Родители ихъ, субъекты неуравновѣшенные и несдержанные, на каждомъ шагу даютъ имъ пагубные примѣры своимъ отсутствіемъ выдержки и самообладанія.

Въ воспитаніи Engelhorn видитъ могучее средство, позволяющее во многихъ случаяхъ предупредить развитіе нервности. Понятно, что задачей раціональнаго воспитанія должно быть возможно болѣе полное развитіе всѣхъ способностей ребенка, а не одностороннее культивированіе интеллекта, забывающее о физическомъ воспитаніи.

В. Лихницкій.

Paul Schrecker. Henri Bergsons Philosophie der Persönlichkeit. (Философія личности). Schriften des Vereins für freie psychoanalytische Forschung. № 3. Verl. Ernst Reinhardt. München. 1912. 61 стр.

Лежащая передъ нами книжка P. Schrecker'a представляетъ большой интересъ съ точки зрѣнія использованія принциповъ философской мысли въ отношеніи такъ назыв. психоанализа. Большая часть работы Schrecker'a занята изложеніемъ основныхъ положеній философіи H. Bergson'a въ ихъ послѣдовательномъ развитіи; затѣмъ, авторъ переходитъ къ характеристикѣ того направленія въ психоанализѣ, представителемъ котораго является Alfred Adler съ его ученіемъ о малоцѣнности (Minderwertigheit) личности при неврозахъ. Элементы философіи Bergson'a, относящіеся къ личности и ея положенію въ мірѣ, главнымъ образомъ и интересуютъ его.

Трактуемый предметъ не доступенъ сжатой передачѣ и потому приходится ограничиться приведеніемъ выводовъ общаго содержанія.

„Философія, которая, подобно философіи H. Bergson'a, видитъ способы познанія въ интуиціи, противопоставляемой интеллектуальной тенденціи нашего духа, можетъ оказывать на человѣчество такое-же воздѣйствіе, какое оказываетъ психоанализъ на отдѣльныя личности. И только такая философія, захваченная потокомъ жизни и увлекаемая имъ впередъ, можетъ дать отвѣтъ на глубочайшіе вопросы, всегда занимавшіе человѣчество, о причинахъ и послѣдствіяхъ человѣческой жизни.

Наше существованіе есть отвѣтвленіе того огромнаго потока, который называется жизнью и который создалъ на своемъ пути всѣ жизненныя формы, отъ низшихъ организмовъ до человѣка, побуждаемый внутреннимъ творческимъ

стремленіемъ (которое мы и сами переживаемъ въ нашемъ развитіи). На каждой ступени развитія (которыя не могутъ считаться другъ за другомъ слѣдующими остановками развитія, такъ же какъ наша личность не представляетъ послѣдовательныхъ рядовъ состояній), онъ добивается различными средствами—инстинктомъ и интеллектомъ—господства надъ неорганической матеріей. Это—такой же творческій инстинктъ и творческая сила, какъ и наша психика (само-себя созидающее творчество), и по существу психической природы. Какъ въ основѣ нашей личности стоитъ сила, дающая развитіе личности только своею активностью, такъ и Богъ мыслится, не какъ неизмѣнная субстанція, но какъ субстанція, которая проявляетъ себя только въ развитіи, въ непрерывномъ и постепенно болѣе совершенномъ преодолѣніи враждебной ему матеріи.

А дальше? Отвѣтъ лежитъ въ существѣ самаго процесса развитія, въ неизвѣстности, какую онъ приметъ форму, такъ какъ это не есть простое расширеніе вѣчной субстанціи во времени, но—созиданіе новыхъ формъ. Но его направленіе, его внутренній смыслъ—болѣе совершенное преодолѣніе міра—даетъ руководящія точки опоры. «Животное опирается на растенія, человѣкъ стоитъ надъ животнымъ міромъ, а все человѣчество, во всѣмъ пространствѣ и времени, представляетъ собою необъятную армію, которая стремительно мчится рядомъ съ нами, позади и впереди насъ на приступъ и имѣетъ силу сокрушить всѣ препятствія, преодолѣть всѣ затрудненія, быть можетъ даже самую смерть!».

Когда разрушается наше тѣло, духъ нашъ не можетъ проявляться, но онъ существуетъ какъ воспоминаніе, для котораго дорога къ сознанію преграждена разрушеніемъ его матеріальныхъ связей. И наша личность сохраняетъ свое вліяніе на жизнь человѣчества, какъ сохраняетъ его каждое наше переживаніе въ нашемъ воспоминаніи, какъ прозвучавшій тонъ въ послѣдующихъ созвучіяхъ мелодіи!"

Книжка съ пользою будетъ прочтена всѣми, слѣдящими за новыми теченіями въ современной философской мысли, съ ярко выдѣляющеюся среди нихъ философіей H. Bergson'a [1]), и интересующимися новыми направленіями въ ученіи о психоанализѣ.

Н. Вырубовъ.

Вл. Сербскій, бывш. проф. Московск. унив. Психіатрія. Руководство къ изученію душевныхъ болѣзней. 2-е испр. и доп. изданіе. Студенч. Мед. Издат. Комиссія. М. 1912. 654 стр.

Изданіе курса психіатріи въ настоящій моментъ, когда идетъ перестройка нашихъ воззрѣній на классификацію и па-

---

[1]) На русск. языкѣ, для перваго ознакомленія, можно рекомендовать: Уильдона Карра „Философія Бергсона въ популярномъ изложеніи" а также статьи Б. Бабынина въ „Вопросахъ философіи и психологіи" за 1911 г. (№ 108 и 109).

тогенезъ душевныхъ заболѣваній, вещь, конечно, неблагодарная, такъ какъ какіе бы принципы не были положены въ основу труда автора, трудъ этотъ неминуемымъ образомъ вызоветъ рядъ замѣчаній и нападокъ. Поэтому при оцѣнкѣ каждой новой работы въ этой области пока необходимо становиться на другую точку зрѣнія и спросить себя, удовлетворяетъ ли то, что дано авторомъ, требованіямъ объективнаго и въ извѣстныхъ частяхъ оригинальнаго изложенія науки о душевныхъ болѣзняхъ.

Съ этой точки зрѣнія „Психіатрія" проф. Сербскаго даетъ все то, что можетъ дать подобное руководство. Прежде всего, оно отражаетъ въ границахъ установленнаго положеніе нашихъ психіатрическихъ знаній. Правда, въ отношеніи раздѣленія душевныхъ болѣзней въ руководствѣ принята классификація покойнаго проф. С. С. Корсакова, въ рамкахъ которой и даны описанія отдѣльныхъ формъ, но вездѣ, гдѣ заходитъ рѣчь о тѣхъ болѣзненныхъ единицахъ, которыя получили другое освѣщеніе и классифицированы иначе, авторомъ приведены мотивы и основанія къ его взглядамъ, несогласнымъ съ господствующими теченіями.

Значительное мѣсто удѣлено авторомъ критикѣ воззрѣній Kraepelin'a на dem. praec. и маніакально-депрессивный психозъ; къ послѣдней формѣ авторъ относится критически отрицательно, не находя основаній для такого широкаго объединенія въ одно цѣлое маніакальныхъ и меланхолическихъ состояній, какое даетъ Kraepelin.

Обширная общая часть руководства, кромѣ обще-психологическ. данныхъ, содержитъ методику экспериментально-психологическ. изслѣдованія, методику опредѣленія умственнаго развитія дѣтей, изложеніе теоріи психоанализа.

Въ главахъ о психическихъ разстройствахъ при неврозахъ использованы изслѣдованія послѣдняго времени въ этой области. Въ отдѣлѣ о терапіи душевныхъ болѣзней заслуживаютъ вниманія главы о новѣйшихъ методахъ леченія прогрессивнаго паралича и о психотерапіи.

Ясное и систематическое изложеніе предмета дѣлаетъ также книгу проф. Сербскаго доступной и для лицъ, только что приступающихъ къ изученію психіатріи, и прекраснымъ руководствомъ въ этой спеціальной области для врача-практика.

Н. Выруѣовъ.

А. Н. Бернштейнъ, прив. доц. Клиническія лекціи о душевныхъ болѣзняхъ. (Записалъ С. И. Зандеръ, ордин. Харьковской куберн. земск. психіатр. больницы, подъ редакц. и съ дополн. автора). М. 1912. Изд. В. М. Саблина. 332 стр.

Книга составилась главнымъ образомъ изъ лекцій, читанныхъ врачамъ на повторительныхъ курсахъ, организован-

ныхъ авторомъ при Пріемномъ покоѣ для душевно-больныхъ въ $190^7/_8$ и $190^9/_{10}$ учебныхъ годахъ.

Въ теченіе уже многихъ лѣтъ А. Н. Бернштейнъ примѣняетъ выработанную имъ методику экспериментальнаго излѣдованія душевно-больныхъ и стремится найти психологическія формы, въ которыя укладывались-бы нозологическія болѣзненныя единицы. Послѣднее нужно особенно отмѣтить, такъ какъ авторъ является сторонникомъ именно нозологическаго направленія въ психіатріи и проводитъ эти идеи какъ во введеніи (лекц. 1—8), такъ и на протяженіи лекцій. Это обстоятельство тѣмъ болѣе еще повышаетъ интересъ къ его книгѣ.

Въ ней мы имѣемъ 11 лекцій, посвященныхъ разбору наиболѣе часто встрѣчающихся болѣзненныхъ формъ: dementia praecox (4 лекціи), циркулярный психозъ (2 лекціи), эпилепсія, алкоголизмъ и прогрессивный параличъ (по 1 лекціи). Въ заключительной лекціи авторъ говоритъ объ анамнезѣ и катамнезѣ.

Центръ тяжести лекцій автора лежитъ, конечно, въ приложеніи на практикѣ его метода экспериментально-психологическаго изслѣдованія душевно-больныхъ, и въ этомъ отношеніи онъ достигаетъ многаго, давая читателю психологическія характеристики отдѣльныхъ заболѣваній. Если въ настоящій моментъ мы, естественно, и не можемъ еще имѣть законченныхъ психологическихъ формулъ душевныхъ болѣзней, то во всякомъ случаѣ книга Бернштейна подвигаетъ насъ въ нашихъ стремленіяхъ на этомъ пути.

Написаны лекціи хорошимъ языкомъ, вообще свойственнымъ автору, и можно только пожелать, чтобы въ будущемъ изданіи иностранная терминологія была по возможности замѣнена русской. Внѣшность изданія хорошая.

Н. Вырубовъ.

Общества и Съѣзды.

Конгрессъ «Интернаціональнаго Союза медицинской психологіи и психотерапіи».

Цюрихъ 8 и 9 сентября 1912 г.

Alfr. Adler.

Трудно представить болѣе высокій уровень состава конгресса, чѣмъ этотъ конгрессъ. Около 200 извѣстнѣйшихъ и опытнѣйшихъ терапевтовъ и психологовъ всего міра собрались здѣсь для живого обмѣна мыслей. Всякое научное направленіе находило защиту, каждый ораторъ могъ разсчитывать, что его любезно примутъ и выслушаютъ. Не было предвзятости, разрушающей гармонію, и пренія носили характеръ существеннаго научнаго значенія.

Проф. Forel заслужилъ глубокую благодарность отъ нашей науки за основаніе этого Союза. Такую-же благодарность надлежитъ принести комитету и предсѣдательствовавшему проф. Bleuler'у, который достойнымъ образомъ руководилъ конгрессомъ.

Этотъ конгрессъ могъ послужить доказательствомъ тому, насколько значеніе свободнаго изслѣдованія и искусной работы въ психологіи выше, чѣмъ догматическая установка формулъ. Наша спеціальная область и наше направленіе, представленное на конгрессѣ референтомъ, встрѣтило сочувственное пониманіе и нашло много друзей. Также и рѣчи, какъ напр. д-ра Maeder'а, показывали такую большую близость взглядовъ, что референтъ публично могъ получить полную поддержку со стороны такого опытнаго критика. Успѣхи нашей науки доказывались многочисленными и цѣнными докладами, предложенными конгрессу.

Мѣстомъ собранія слѣдующаго конгресса была выбрана Вѣна,—выборъ, съ которымъ мы должны были поздравить какъ себя, такъ и конгрессъ. Подробный отчетъ о конгрессѣ появится въ Journal für Psychiatrie und Neurologie. О полнотѣ матеріала могутъ дать представленіе слѣдующіе авторефераты [1]).

Безсознательное.

Проф. Bleuler.

То положеніе, что психика конституируется только содержаніемъ сознанія, необходимо защищать феноменологически при помощи фактовъ. Когда хотятъ понять каузальную связь нашихъ чувствъ, стремленій и поступковъ, необходимо прибавить сюда также и то, что называется безсознательнымъ, т. е. сумму всѣхъ тѣхъ ощущеній (resp. воспріятій), переживаній, чувствъ, стремленій и поступковъ, которые во всемъ идентичны съ одноименными сознательными явленіями и тѣмъ не менѣе стоятъ внѣ сознанія.

Существованіе безсознательныхъ психическихъ процессовъ, какъ процессовъ, мы не можемъ воспринимать непосредственно, мы умозаключаемъ о нихъ, по ихъ результатамъ съ той же приблизительно увѣренностью, съ какою мы принимаемъ извѣстныя психическія функціи у нашихъ ближнихъ и у животныхъ. Постольку, поскольку можетъ распространяться наше самонаблюденіе, увѣренность наша становится сильнѣе, такъ какъ безсознательныя функціи оставляютъ отпечатки, отъ которыхъ нѣчто переносится потомъ въ сознаніе. Такъ напр., часто безсознательныя воспріятія становятся позже сознательными. При истерической анэстезіи воспріятія не отсутствуютъ, они остаются только безсознательными и наличность ихъ обнаруживается въ ихъ вліяніи. Нѣ-

---

[1]) Изъ полученнаго матеріала редакція печатаетъ все, относящееся къ психотерапіи и психологіи. Н. В.

которыя безсознательныя воспріятія выявляются тѣмъ, что ихъ ожидаютъ; другія обнаруживаются тѣмъ, что возбуждаютъ чувства, управляютъ настроеніемъ, побуждаютъ къ дѣйствію. Безсознательныя воспріятія и поступки могутъ продуцировать привычные аффекты.

Многія дѣйствія, сознательныя сначала, позже становятся безсознательными, автоматическими, не измѣняя въ остальномъ своего характера. При помощи упражненія или подъ вліяніемъ аффектовъ можно многихъ людей пріучить къ автоматическому (безсознательному) письму, нѣкоторыхъ — къ автоматической рѣчи, въ которой выражаются безсознательныя мысли, въ большинствѣ случаевъ банальныя или совершенно безсмысленныя, но иногда очень сложныя и вѣрныя. Безсознательныя идеи должны вообще быть промежуточными членами посредственныхъ ассоціацій или имѣть форму констелляцій, какъ сопутствующія детерминанты большинства ассоціацій. Безсознательными мы называемъ многія переживанія и считаемъ ихъ «инстинктивными» (напр. характеръ нѣкоторыхъ людей и ихъ установку по отношенію къ намъ). Кто привыкъ къ точному наблюденію надъ самимъ собою и другими, тотъ находитъ очень часто, какъ при важныхъ рѣшеніяхъ, такъ и при банальныхъ, что сознательныхъ мотивовъ тутъ недостаточно, и открываетъ этимъ присутствіе безсознательныхъ.

Послѣгипнотическимъ внушеніемъ мы можемъ экспериментально вызвать поступки, настоящіе мотивы которыхъ остаются не сознанными. Намѣренія и установка вниманія могутъ оказывать воздѣйствія, оставаясь совершенно безсознательными. Въ автоматическихъ движеніяхъ, оговоркахъ и опискахъ выходятъ часто на свѣтъ мысли въ этотъ моментъ, а можетъ быть и совсѣмъ, не извѣстныя сознанію. Безсознательныя чувства выражаются мимически, вазомоторно, въ разстройствѣ ассоціацій и т. д.

Сознаніе охватываетъ численно небольшую часть психическихъ процессовъ, во всякомъ случаѣ наиболѣе важную въ нѣкоторомъ отношеніи часть, но не все важное.

Безсознательное является вообще дальнѣйшимъ понятіемъ. Все, что протекаетъ въ сознаніи, можетъ протекать и безсознательно, и при случаѣ это такъ и бываетъ. Но не наоборотъ. Изъ милліона впечатлѣній, которыя мы получаемъ безсознательно при прогулкѣ по городу, даютъ о себѣ знать только немногія черточки. Наши многочисленныя стремленія, многочисленныя констелляціи мы узнаемъ только случайно въ отдѣльныхъ примѣрахъ или въ спеціальныхъ изслѣдованіяхъ. Но обстоятельства показываютъ намъ, что такіе отдѣльные опыты можно широко обобщить. Намъ извѣстно только въ рѣдкихъ исключеніяхъ, почему и въ какомъ направленіи мы модулируемъ голосъ, выраженіе, мимику при разговорѣ, какъ мы балансируемъ на велосипедѣ—это остается большинству совершенно неизвѣстно, немногимъ—неиз-

вѣстно въ подробностяхъ. И начиная съ этихъ моторныхъ способностей до центрифугальныхъ функцій нѣтъ никакой принципіальной преграды вліянію—всегда безсознательному—нашей психики на наши тѣлесныя функціи, менструаціи, дѣятельность железъ и многое другое.

Но не существуетъ «безсознательнаго», которое могло-бы быть противопоставлено, во всемъ своемъ объемѣ или какимъ либо инымъ образомъ,—сознанію, оно характеризуется только недостаткомъ сознательности. Любой психическій процессъ или группа процессовъ можетъ протекать безсознательно. «Безсознательное» это есть собирательное имя для всѣхъ этихъ отдѣльныхъ процессовъ. Между собою они могутъ быть не связаны. Безсознательныя функціи обнаруживаютъ гораздо меньше единства, чѣмъ часть сознательная, нормально объединяющая различныя стремленія и противорѣчія какъ въ аффективной, такъ и интеллектуальной области и подвергающая ихъ обычно извѣстной критикѣ. Въ безсознательномъ можетъ стоять одиноко каждая идея съ сопровождающими ее чувствами и стремленіями, даже каждое чувство и каждое стремленіе. Отсюда возникаютъ между ними несогласимыя противорѣчія. Въ ходѣ идей могутъ даже возникнуть диссоціаціи и девіаціи и обнаруживаться въ странностяхъ, тогда какъ въ области сознанія онѣ отпадаютъ благодаря ежедневному упражненію и привычкѣ. Для аутистическихъ формъ мышленія безсознательное представляетъ поэтому больше удобствъ, чѣмъ сознаніе.

Оно можетъ также переходить въ дѣйствіе, используя для этого при случаѣ находящіяся подъ порогомъ чувствованія и напр. обнаружить намѣренія недостаточно ясныя для сознательнаго выраженія.

Такъ какъ идеи въ безсознательномъ могутъ быть не связаны, то наблюдаются не только любые ограниченные ряды идей, но опредѣленныя цѣльныя стремленія, «комплексы», при чемъ вполнѣ возможно, что они оказываются въ противорѣчіи съ сознательной личностью или съ другими безсознательными комплексами. Если шизофреникъ разсказываетъ намъ о галлюцинаціяхъ, которыя побуждаютъ его убить кого нибудь, мы можемъ заключать изъ этого факта, не только что въ его «внутреннемъ я» есть что-либо пробуждающее такія мысли, но очень часто можемъ прямо доказать, что существуютъ основанія и стремленіе убить указанное лицо. Болѣзнь даетъ возможность наблюдать теченіе и постепенное развитіе подобнаго комплекса.

Совсѣмъ особый видъ безсознательной жизни представляетъ собою вытѣсненіе Мы часто наблюдаемъ на себѣ и другихъ, что вещи, о которыхъ намъ непріятно думать, отбрасываются нашимъ Я на долгое или короткое время, по обычной схемѣ, основываясь на инстинктѣ избѣгать непріятнаго. Но въ тысячахъ отдѣльныхъ случаевъ на разнообразныхъ путяхъ мы видимъ, что подавленныя идеи обнаружи-

ваютъ признаки своего существованія въ своихъ воздѣйствіяхъ, что онѣ не умерли, но продолжаютъ жить такъ или иначе въ безсознательномъ; онѣ вытѣснены или отщеплены.

Среди комплексовъ чаще всего вытѣсняются въ нашей культурной жизни комплексы сексуальные. Отъ молодой дѣвушки хорошаго общества требуется вытѣсненіе всего сексуальнаго, какъ нечистаго, она не должна знать вещей для нея естественныхъ, которыя она видитъ, которыя каждый день ясно наблюдаетъ въ поступкахъ, разговорахъ, въ литературѣ, исторіи религіи, которыя находятъ естественный откликъ и пониманіе въ ея собственныхъ инстинктахъ, все это и даже собственныхъ инстинктовъ она не должна знать. И сознаніе часто устраиваетъ такъ, что ничего не знаетъ. Но внимательное наблюденіе, анализъ невротическихъ симптомовъ, шизофренія показываютъ намъ всегда, что это невѣдѣніе распростаняется не на всю психику, а только на ея извѣстную часть.

Но воспитаніе можетъ достичь этого только потому, что существуетъ прирожденная тенденція вытѣсненія сексуальныхъ психизмовъ, тенденція, которая поддается прямому наблюденію.

На этихъ фактахъ Freud обосновалъ свою теорію безсознательнаго. У новорожденнаго сексуальность, по его мнѣнію, разлита шире, чѣмъ у взрослаго, такъ какъ существуютъ еще другія эрогенныя мѣста, кромѣ половыхъ органовъ, и существуютъ различные извращенные инстинкты. Ограниченіе эрогенныхъ мѣстъ и также инстинктовъ до нормальнаго начинается очень рано. Ненормальные инстинкты «подавляются»; соотвѣтствующая имъ энергія можетъ быть иначе использована, сублимирована и обращена на соціальныя, научныя и художственныя потребности. Если непріятныя мысли всплываютъ позже, онѣ могутъ быть также вытѣснены въ безсознательное съ присоединеніемъ къ тому, что было вытѣснено раньше. Безсознательное получаетъ тогда по преимуществу сексуальное значеніе.

Мнѣ кажется, однако, что такое пониманіе безсознательнаго черезчуръ узко и вмѣстѣ съ тѣмъ безполезно. По моему мнѣнію, все можетъ быть или сдѣлаться безсознательнымъ и я не вижу никакого принципіальнаго различія между этимъ содержаніемъ безсознательнаго и возникшимъ, вслѣдствіе сексуальнаго вытѣсненія. Во всякомъ случаѣ теорія должна быть лучше обставлена доказательствами.

Съ давняго времени существуютъ анатомическія и физіологическія гипотезы, отводящія мѣсто для безсознательныхъ психизмовъ въ одномъ субкортикальномъ центрѣ. Grasset вновь выдвинулъ недавно подобную гипотезу на обсужденіе. Но она не имѣетъ никакихъ опорныхъ пунктовъ.

Если я составляю буквы сначала сознательно, позже пишу ихъ безсознательно, думая только о содержаніи написаннаго, то, насколько мы знаемъ, оба эти процесса локали-

зуются въ корѣ, точно также если мы безсознательно по извѣстнымъ воспріятіямъ (въ большинствѣ случаевъ безсознательнымъ) дѣлаемъ выводъ относительно опредѣленнаго характера, опредѣленной болѣзни («Gefühlsdiagnose») или безсознательно регистрируемъ цѣлые ряды мыслей, которыя также остаются безсознательными,—невозможно относить подобныя функціи къ болѣе глубокимъ центрамъ.

Если мы желаемъ возможно меньше удаляться отъ фактовъ и составить понятіе о безсознательномъ, охватывая, тамъ гдѣ это можно, все, что наблюдалось, мы должны будемъ придерживаться слѣдующаго.

Опредѣленный комплексъ психизмовъ, составляющій наше Я, въ своихъ актуальныхъ частяхъ всегда сознателенъ. Это—фактъ, объяснить который мы не въ состояніи. Протекаетъ огромное число психизмовъ. Частью они сознательны, частью нѣтъ. Одна часть изъ нихъ сознательны, другая—нѣтъ. О томъ, что сознательно, мы знаемъ, что оно находится въ тѣсной связи съ актуальнымъ Я—комплексомъ, о томъ, что безсознательно, мы этого не знаемъ. Мы только принимаемъ, что это связь психической функціи, ассоціація съ сознательнымъ Я, есть то, что придаетъ психическому процессу сознательность. То, что протекаетъ внѣ тѣсной связи съ Я—комплексомъ, остается не сознаннымъ.

Вслѣдствіе этого сознательность отмѣчена извѣстными градаціями, то же самое говоритъ и наблюденіе. Изъ безчисленныхъ ассоціативныхъ нутей, связывающихъ представленіе съ Я, могутъ быть экфорированы въ данный моментъ или очень многіе или только немногіе. Мы называемъ эти различія градаціями сознательности, хотя сознаніе само по себѣ есть понятіе абсолютное, и кромѣ того, другія явленія (отравленіе, сонъ и проч.) могутъ также «затемнять» сознаніе.

Природѣ Я—комплекса присуще воспріятіе всѣхъ ассоціированныхъ представленій какъ единства. Противорѣчія внутри этой группы поэтому легко заполняются и выравниваются; то, что мы называемъ критикой—только естественный выводъ. Психизмы, не имѣющіе связи съ Я, могутъ быть не связаны и между собою. Поэтому въ безсознательномъ возможна ихъ обособленность и ихъ взаимныя противорѣчія.

Я придаю извѣстную цѣну этимъ теоретическимъ положеніямъ, потому что они допускаютъ включеніе всѣхъ фактическихъ данныхъ, тогда какъ, исходя изъ другихъ взглядовъ, легко придти къ предубѣжденіямъ, стоящимъ на пути пониманія психическихъ процессовъ.

Положенія.

Въ насъ постоянно наблюдаются процессы, которые могли-бы разсматриваться какъ сознательныя функціи во всѣхъ отношеніяхъ, за исключеніемъ того, что имъ не хватаетъ «осознанности». Но мы должны отнести ихъ къ пси-

хикѣ такъ-же, какъ и сознательные. Мы называемъ ихъ «безсознательными функціями» или, во всемъ ихъ цѣломъ, «безсознательнымъ».

Безсознательное не имѣетъ единства, которое могло бы быть противопоставлено (по аналогіи понятія двойственнаго—Я) сознательной психикѣ, но оно распадается на безчисленное множество функцій, не зависящихъ одна отъ другой.

Конечно, и въ безсознательномъ существуютъ функціональные комплексы, объединенные логической или аффективной связью. Важны именно такъ называемые «комплексы» въ узкомъ смыслѣ, представляющіе собою важный инстинктъ или аффектъ съ его интеллектуальнымъ содержаніемъ.

Послѣдніе остаются поэтому въ большинствѣ случаевъ въ безсознательномъ или становятся болѣе или менѣе безсознательными, такъ какъ они стоятъ въ противорѣчіи съ другими стремленіями или съ возможностью осуществленія.

Такимъ образомъ, сознательныя стремленія могутъ быть «вытѣснены въ безсознательное». Но при этомъ они не теряютъ своего вліянія на психику, и это выражается именно въ невротическихъ и психическихъ симптомахъ.

Не доказано, что внѣ сознанія стоитъ прежде всего только сексуальное и что другіе комплексы могутъ быть вытѣснены только черезъ ассоціативное соединеніе съ сексуальнымъ. Такое предположеніе затрудняетъ рѣшеніе вопроса.

Наоборотъ можно удобно пользоваться представленіемъ, что опредѣленная, измѣняющаяся качественно и количественно часть мозговыхъ функцій—сознательна и что тѣ функціи сознательны, которыя ассоціативно съ ней связаны.

О телеологіи въ безсознательномъ.

A. Maeder.

Психоаналитическія изслѣдованія сновидѣній дали возможность открыть двѣ различныя функціи сна. Сновидѣнія выполняютъ катартическую функцію; они даютъ компенсаторное удовлетвореніе агрессивнымъ (месть, ненависть и т. д.) и эротическимъ желаніямъ, тенденціямъ (канализированіе антисоціальныхъ и эротическихъ инстинктовъ), они дѣйствуютъ какъ вентиляторы повышеннаго психическаго напряженія. Но наиболѣе важной функціей я считаю—разрѣшеніе существующихъ душевныхъ конфликтовъ. Сновидѣніе обрабатываетъ символическимъ образомъ моральную проблему индивидуума и даетъ своимъ изображеніямъ возможное разрѣшеніе,—разрѣшеніе, которое впослѣдствіи очень часто принимается высшей инстанціей, сознаніемъ... Внимательное изслѣдованіе показываетъ, что очень часто, какъ у невротиковъ, такъ и у здоровыхъ, рѣчь идетъ именно о разрѣшеніи; сновидѣніе есть предварительныя попытки къ освобожденію.

Авторъ склоненъ къ признанію высшей біологической

цѣлесообразности (телеологіи). Фантазія обнаруживаетъ двѣ вполнѣ совпадающія функціи «компенсаціи и наростающей силы».

Авторъ готовъ представить сонъ и фантазію, какъ выраженія одной важной, безсознательно дѣйствующей функціи, служащей для развитія и сохраненія жизни индивидуума. Современная психологія разсматриваетъ игру, какъ проявленіе одного изъ важнѣйшихъ инстинктовъ, содержащее въ себѣ катартическое дѣйствіе (разгруженіе) и упражненіе въ позднѣйшей серьезной дѣятельности (у животныхъ напр. охота, ухаживанье и т. под.). Авторъ видитъ въ сновидѣніяхъ и въ фантазіи своего рода продолженіе дѣтскихъ игръ; высшая цѣль такой дѣятельности есть приспособленіе индивидуума къ средѣ...

Многообразная безсознательная дѣятельность ясно показываетъ ея отношенія къ распространенной телеологической системѣ, напр. извѣстные противосамоубійственные автоматизмы, опредѣленные невротическіе симптомы, имѣющіе тенденцію оказывать вліяніе на среду, ища въ ней пониманія и разрѣшенія; опредѣленные позитивные поступки при аутогипнозѣ или въ сомнамбулическомъ состояніи...

Дальше авторъ желалъ-бы обратить вниманіе на огромную группу психическихъ явленій, которыя при ближайшемъ изслѣдованіи во всякомъ случаѣ могутъ быть признаны гетерогенными. Это—явленія, обнаруживающія признаки интенсивной, безсознательно координированной обработки, стремящейся къ одной цѣли; напр. добрая часть художественной и творческой дѣятельности, протекающая внѣ сознанія; интуитивный способъ работы геніевъ (Poincarré, Liebig, Spitteler); демонъ Сократа и тому подобное; латентная организація памяти по Binet, латентное выясненіе, классификація и созрѣваніе сложныхъ вопросовъ, наблюдаемыя у нѣкоторыхъ людей. При всѣхъ этихъ процессахъ мы имѣемъ дѣло съ проявленіями функцій осуществленія, съ стремленіемъ къ лучшему приспособленію къ дѣйствительности, къ завоеванію (использованію) наибольшей области реальнаго міра. Сюда же относится, по всей вѣроятности, и функція идеальнаго (fonction de l'idéal—Flournoys), та въ высшей степени важная функція, которая постепенно развивается, какъ это намъ показываетъ психоанализъ, изъ органическаго libido къ родителямъ.

Органическій субстратъ психоневроза.

Alfr. Adler.

Видъ нервнаго больного всегда даетъ возможность послѣ короткаго наблюденія замѣтить, что онъ пытается болѣе категорически и принципіально, чѣмъ нормальный человѣкъ, установить свое личное превосходство надъ своей средой въ какой нибудь часто очень странной формѣ. Если искать причину

этого напряженнаго стремленія, то всегда найдемъ чувство неувѣренности и малоцѣнности, изъ котораго выростаетъ побужденіе, которое мы должны признать вполнѣ планомѣрнымъ. Другими словами: это не есть слѣпое стремленіе, какое нибудь безцѣльное бѣгство отъ какого-либо униженія, что намъ показываетъ анализъ невротическихъ явленій, но это—путь, это modus vivendi, идущій отъ неувѣренности, и, конечно, не выдерживающій жизненной критики.

Въ очень рѣдкихъ случаяхъ проницательность паціента идетъ настолько далеко, что можно говорить о міровоззрѣніи, о жизненной философіи паціента. Мы видимъ чаще всего позы, привычные физическіе пріемы и тѣлодвиженія паціента, динамика которыхъ для него темна, несмотря на то, что его дѣйствія и соотвѣтствующіе жесты дѣлаютъ впечатлѣніе. Паціентъ „какъ будто" имѣетъ цѣль передъ глазами. Поэтому истеричка при появленіи предпочтенной сестры принимаетъ соблазнительныя позы и по внѣшности пылаетъ любовью. Невротикъ, съ дѣтства соперничавшій съ старшимъ братомъ, сдѣлаетъ попытку самоубійства прежде чѣмъ займетъ мѣсто, полученное имъ незадолго передъ тѣмъ, благодаря брату. Паціентка, страдающая боязнью пространства, будетъ развивать свою боязнь, пока не покоритъ своихъ близкихъ и не заставитъ ихъ ухаживать за собою. Паціенты съ склонностью къ мастурбаціи и извращеніямъ, будутъ обнаруживать настолько libido, насколько это необходимо для удовлетворенія ихъ ненормальной сексуальности. Болѣзненные приступы, какъ мигрень, невралгіи, боли въ сердцѣ и въ кишечникѣ всегда появляются мотивированными, и именно тогда, когда возникаетъ необходимость въ защитѣ чувства личности, которому угрожаютъ. Такимъ-же образомъ происходятъ обмороки и психогенные эпилептическіе инсульты всегда въ такіе моменты, когда паціентъ, исходя ихъ своей психической ситуаціи, долженъ выступить на защиту своего господства; пріобрѣтя умѣнье разбираться въ психикѣ больного, можно съ достаточной точностью предсказать наступленіе припадка, вытекающаго изъ внутренней необходимости. Такъ появляется дрожаніе или подобныя затрудняющія движенія явленія, если больной хочетъ, напр., уклониться отъ службы; такимъ же образомъ у студентовъ ослабленіе памяти часто сопровождаетъ начинающійся неврозъ. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ паціентъ тѣлесно находится подъ давленіемъ агрессивной задержки, которая дѣйствуетъ всегда планомѣрно и систематически и можетъ давать отвѣты на правильно поставленные вопросы. Вообще, въ подобныхъ случаяхъ можно видѣть, что психическое направленіе и способы выраженія паціентовъ достигаютъ единства и принципіальности, такъ что ихъ можно понимать какъ общую медлительность, какъ положеніе замедленности („zögernde Attitude").

Съ точки зрѣнія психической динамики эти явленія надо

считать защитными, съ ними паціентъ постепенно сроднился, такъ какъ съ ихъ помощью онъ лучше всего защищаетъ свое чувство личности. Они выражаютъ всѣ вмѣстѣ, такъ сказать, тѣлесное—«нѣтъ», тогда какъ психическое непрерывно отвѣчаетъ «да» на поставленный жизнью вопросъ. Но именно этотъ двойной жестъ невротика—основа такъ назыв. double vie—показываетъ намъ, подъ какими тяжелыми условіями приходилось человѣку пробивать себѣ дорогу для выхода наверхъ, дорогу, которая всегда почти идетъ непостижимыми извилинами.

Это несомнѣнное впечатлѣніе такъ же, какъ и факторъ строго принципіальной феноменологіи, напоминающей технику машины своей предопредѣленной точностью и разсчитанной остановкой передъ черезчуръ высокой цѣлью, а также исключеніе и психическое обезцѣниваніе способности къ дѣятельности, которое даетъ картину ограниченія и бѣгства въ болѣзнь,—все это побуждаетъ насъ сдѣлать заключеніе, что неврозъ, это—попытка достичь высоко поставленнаго личнаго идеала, тогда какъ вѣра въ собственное значеніе поколеблена глубоко лежащимъ чувствомъ малоцѣнности. Это заключеніе постоянно получаетъ подтвержденія.

Для того, чтобы перейти къ дѣйствованію, необходимы два предварительныя условія:

1. приблизительная оцѣнка собственныхъ способностей, и
2. цѣль, которую разсчитываютъ достичь при помощи этихъ способностей и благопріятныхъ жизненныхъ условій.

Относительно самооцѣнки мы можемъ съ увѣренностью сказать, что первоначально она особенно низка. Цѣль же, мы знаемъ, поставлена очень высоко.

Я пришелъ къ выводу, что эта безсознательная и всегда дѣятельная цѣль соотвѣтствуетъ тенденціи компенсаціи, тенденціи защиты, что направленная къ этой цѣли руководящая линія соблюдается болѣе догматически и категорически, чѣмъ у здороваго человѣка, и что на неизбѣжномъ пути нервнаго расположенія, нервнаго характера и симптомовъ, эта линія обусловливаетъ возможность попытокъ достиженія въ міровомъ хаосѣ личнаго идеала, чувства увѣренности послѣ испытаннаго чувства неувѣренности и чувства собственнаго значенія послѣ чувства малоцѣнности.

Пока это страстное стремленіе къ цѣли, это поклоненіе выдуманному идолу остается несознаннымъ, легко впасть въ заблужденіе относительно телеологической зависимости душевной жизни, заблужденіе, которое обнаруживается въ томъ фактѣ, что уже первый актъ всякаго дѣйствія безсознательно и незамѣтно сопровождается установкой цѣли, точно также и élan vitale, потокъ жизни, протекаетъ подъ давленіемъ фиктивной цѣли, установленной еще въ дѣтствѣ и въ своей первоначальной формѣ остающейся въ безсознательномъ. Я считаю для себя особой честью, что при обсужденіи этихъ душевныхъ явленій рядомъ съ моими выводами и взглядами я

могу цитировать фундаментальные труды Vaihinger'a и Bergson'a и сослаться на различныя точки соприкосновенія въ изложеніи Klages'a.

Если мы достаточно выяснили установку цѣли и ея особенности въ душѣ невротика, необходимы еще дальнѣйшія разъясненія относительно причинъ этихъ особенностей. Какъ я уже указывалъ, эти причины лежатъ въ особенно углубленномъ чувствѣ малоцѣнности соотвѣтственно предрасположеннаго ребенка и намъ предстоитъ только выяснить возникновеніе этого чувства и его развитіе. Съ 1907 г., со времени появленія моей „Studie über Minderwertigkeit von Organen", я защищалъ свою точку зрѣнія на то, что извѣстная намъ изъ патологіи малоцѣнность органовъ даетъ толчокъ къ возникновенію чувства малоцѣнности, и изъ усилившейся неувѣренности ребенка, изъ несоотвѣтствія между собственнымъ безсиліемъ и величиной жизненныхъ требованій можетъ вырасти та повышенная напряженность, которая даетъ, между прочимъ поводъ къ возникновенію невротическихъ попытокъ компенсаціи. Сюда относятся всякаго рода инфантилизмы, органическая малоцѣнность, конституціональныя аномаліи, нарушенія внутренней секреціи железъ и т. д.

Подробное описаніе картины, которую представляютъ собою такіе конституціонально малоцѣнные дѣти въ ранніе годы, завело-бы насъ слишкомъ далеко. Въ общемъ можно сказать, что всѣ жизненныя затрудненія переживаются ими сильнѣе и тяжелѣе, неразумное воспитаніе можетъ еще усилить переживанія, отягощая положеніе то строгостью, то излишней нѣжностью. Цѣлыя тучи невзгодъ грозятъ такому ребенку болями, слабостью, неправильностями развитія, безобразіемъ, тупоуміемъ, недостаточнымъ умственнымъ развитіемъ. Къ мнимому чувству приниженности скоро присоединяется дѣйствительная приниженность и она толкаетъ такого ребенка ко всякаго рода уверткамъ и хитростямъ. Естественное соревнованіе ребенка принимаетъ непомѣрно преувеличенные размѣры, цѣль для личныхъ стремленій возносится чрезмѣрно высоко, планы, мечтанія, фиктивная мотивировка—все непомѣрно использовано, и каждый шагъ ребенка обнаруживаетъ его преувеличенную осторожность и преувеличенное чувство собственнаго достоинства. Всякое душевное спокойствіе пропадаетъ, сравниваніе себя съ другими не имѣетъ конца, при ожиданіи напряженіе доходитъ до высшей степени, рѣшеніе ничтожнаго вопроса становится вопросомъ жизни и смерти. Постоянное исканіе поддержки, постоянное требованіе подчиненія со стороны другихъ. Ошибки являются на помощь, потому что—другіе должны-же принять въ немъ участіе. Страхи становятся оружіемъ нападенія, потому что—должны-же другіе его защищать. Его застѣнчивость, его неловкость и тупость становятся предлогомъ для того, чтобы заставить этихъ другихъ служить себѣ. И всюду у него найдется уловка, болѣзнь станетъ для него необходимостью для того, чтобы не

чувствовать оскорбленія своей гордости и тщеславія ничтожествомъ достигнутаго или достижимаго. Я не хочу дальше останавливаться на описаніи этого чрезвычайно распространеннаго душевнаго состоянія, такъ какъ я уже подробно описывалъ его въ моей книгѣ „Ueber den nervösen Charakter".

Мнѣ осталась только задача обрисовать тѣ патологическіе моменты, въ которые обычное стремленіе всякаго ребенка стать выше своихъ воспитателей можетъ такъ непомѣрно разрастаться. То, что мнѣ приходилось наблюдать, имѣло отношеніе ко всѣмъ возможнымъ конституціональнымъ аномаліямъ и въ большинствѣ случаевъ въ легкихъ формахъ,—лимфатическія конституціи съ ихъ спеціальными нарушеніями, какъ физическая слабость, аденоидныя разращенія и т. под. формы эксудативнаго діатеза съ болѣзненнымъ предрасположеніемъ къ заболѣваніямъ органовъ дыханія, заболѣваніямъ щитовидной железы, мозговаго придатка и органовъ кровеобразованія съ цѣлой толпой всякихъ болѣзненныхъ предрасположеній, указывающихъ на тѣлесную и душевную малоцѣнность. Неправильности, причиняющія вредъ росту или красотѣ фигуры, могутъ увеличивать чувство малоцѣнности, какъ и все упомянутое выше, и побуждать къ сильнѣйшимъ тенденціямъ компенсаціи. Изъ всѣхъ разнообразныхъ ухищреній и увертокъ, которыя примѣняются къ дѣлу, необходимо уяснить себѣ и изучить слѣдующія: защиты и окольные пути. Я попытаюсь показать этотъ механизмъ на одномъ простомъ примѣрѣ.

Случай касается 32-лѣтней женщины, которая, послѣ 8-лѣтняго супружества, получаетъ надежду имѣть ребенка и послѣ тяжелыхъ родовъ производитъ на свѣтъ. Съ самаго начала беременности паціентка начала страдать безсонницей и состояніями тревоги. При этомъ она постоянно подчеркивала, какъ страстно она желаетъ имѣть ребенка и какъ для нея тягостны намеки и замѣчанія ея близкихъ относительно ея безплодности. Первый приступъ тревоги появился тогда, когда ея мужъ—вояжеръ—снова долженъ былъ ее покинуть, и вопросъ шелъ какъ разъ о днѣ его отъѣзда. Ночью ему пришлось часто прерывать свой сонъ и успокаивать жену, сидѣвшую на постели и страдавшую отъ неопредѣленнаго чувства тревоги, а порою и отъ чувства страха, что она сходитъ съ ума.

Для объясненія этого состоянія нетрудно было предположить, что паціентка реагировала конструкціей чувства страха на физическія измѣненія, вызванныя беременностью, которую она считала малоцѣнностью, какъ чисто женскую особенность, реагировала—чтобы получить возможность еще болѣе прежняго подчинить себѣ своего мужа. Онъ долженъ былъ теперь ограничить свои привычки, всѣ свои сексульныя желанія долженъ былъ предоставить въ распоряженіе супруги и долженъ быть готовымъ къ тому, что и во время

предстоящаго путешествія ему не придется пользоваться сексуальной свободой, какъ прежде.

Это послѣднее требованіе заслуживаетъ особаго разсмотрѣнія; освѣщеніе его можетъ показать значеніе libido этой паціентки. Паціентка вышла замужъ послѣ долголѣтняго жениховства, какъ будто, по любви. Въ бракъ она вступила совсѣмъ не неосвѣдомленной и тѣмъ не менѣе всѣми силами сопротивлялась сношенію и вспоминаетъ, что въ теченіе недѣль у нея повторялась нервная дрожь, то же самое, что съ ней бываетъ и во время настоящей болѣзни. Она испытывала также такое-же чувство тревоги, какъ и теперь.

На этомъ случаѣ я могу провѣрить методологическое заблужденіе школы Freud'a, - какъ неправильная посылка, оно привело къ крупнымъ ошибкамъ въ выводахъ. Мое толкованіе всѣхъ этихъ явленій, а также и позднѣйшихъ, показало, что паціентка, недовольная своей женской ролью, готова была пользоваться всякими прямыми и обходными путями, которые дали бы ей возможность избѣжать послѣдствій этой непріемлемой роли. И когда она за 8 лѣтъ пріобрѣла достаточную увѣренность, что она спасена по крайней мѣрѣ отъ беременности и родовъ, она могла удовлетвориться сходствомъ съ мужчиной: она добилась фактическаго господства надъ мужемъ, надъ сестрой и надъ матерью, жившей у нихъ въ домѣ, и сопротивлялась съ нѣкоторымъ успѣхомъ сношеніямъ, которыя постоянно выставляли передъ ея глазами ея женскую роль. Въ своемъ обезцѣниваніи сексуальнаго она зашла настолько далеко, что замѣчала безъ сожалѣнія, если ея мужъ преступалъ границы супружеской вѣрности во время путешествій. Слѣдуетъ особенно отмѣтить черты ея характера, которыя она выработала въ себѣ для поддержанія своей руководящей роли, своего сходства съ мужчиной; провосходство надъ своими родными и близкими, унижающая критика въ отношеніи ихъ и бережливость, которой она обязана своимъ состояніемъ, такъ какъ, судя по виду, росла она въ бѣдной семьѣ. Основываясь на нашемъ воззрѣніи на мужской протестъ, легко понять, что паціентка долго оставалась фригидной. Когда-же, благодаря беременности, она вынуждена была глубже войти въ роль женщины, она потребовала дальнѣйшихъ и сильнѣйшихъ компенсацій, налагая на своего мужа новыя обязанности. Этого она могла достичь только при помощи арранжировки тревоги. И вотъ у нея появилась тревога.

Дальнѣйшее теченіе болѣзни доказало правильность предположенія. Ко времени рожденія ребенка исчезало, въ связи съ нашими собесѣдованіями, чувство тревоги; послѣдней причиной, вызывавшей чувство малоцѣнности, которое побуждало къ защитѣ и мужскому протесту, оказалась физическая слабость въ дѣтствѣ, которая давала себя особенно неблагопріятно чувствовать въ отношеніяхъ съ ея старшей на 5 лѣтъ сестрой, любимицей отца.

Также скверно повліяли большія матеріальныя потери семьи въ періодъ дѣтства паціентки, послужившія причиной тому, что она тяжело пережила это ухудшеніе и всегда съ завистью смотрѣла на хорошее состояніе своихъ родственниковъ. О малоцѣнности со стороны мочевого аппарата можно заключить по энурезису. Насколько большую роль играли аномаліи половыхъ железъ, я не беру на себя смѣлость рѣшать, но въ общемъ я могъ бы указать на позднюю беременность, на ненормальный ростъ паціентки, также какъ и на рано появившіеся замѣтные усы.

Когда ребенку (роды были тяжелые и длительные) было уже нѣсколько лѣтъ, больная появилась снова съ жалобами на невротическій страхъ, на истощеніе и депрессію. Коротко говоря, я продѣлываю курсъ дальнѣйшихъ разъясненій и къ концу анализа прихожу къ слѣдующему: дѣло идетъ снова о мужскомъ протестѣ паціентки, настоящими симптомами она старается защитить себя отъ второго ребенка. При помощи своего страха—безразлично, называть-ли это неврозомъ тревоги или истеріей тревоги—она овладѣла положеніемъ—никто не могъ требовать отъ нея второй беременности, видя ея страданія; ея утомляемость показала ей и ея окружающимъ, что одинъ ребенокъ и уходъ за нимъ былъ уже обузой для такой матери, а ея депрессія поставила передъ ея мужемъ отвѣтственную задачу: постоянно заботиться о томъ, чтобы не обидѣть своей жены. Другими словами: такъ какъ ея цѣль сдѣлаться мужчиной оставалась непоколебимой, то, въ предѣлахъ возможнаго, предпринималось все, что могло приблизить къ этой цѣли, и тѣмъ съ большей настойчивостью, чѣмъ дальше она была отъ сходства съ мужчиной.

Ортодоксальное ученіе Freud'а признаетъ во всѣхъ случаяхъ неврозовъ и психозовъ исходнымъ моментомъ окутанную мистическимъ туманомъ, прирожденную сексуальную конституцію. Было-бы очень легко построить такую конституцію въ приведенномъ случаѣ: мужскіе сексуальные вторичные признаки (ростъ, усы, поздняя беременность, трудные роды) должны были-бы соотвѣтствовать психосексуальной конституціи. Съ маленькими передѣлками можно было-бы ближе подойти къ Freud'овскому ходу мыслей: паціентка отъ рожденія гомосексуальна. А въ матеріалѣ, полученномъ отъ анализа, можно было-бы сгруппировать такъ факты, что ясно будетъ выступать ея влюбленность въ сестру.

До извѣстной степени это было-бы возможно. Послѣ первоначальнаго соперничества обѣ сестры любили другъ друга, хотя никогда не переходили въ область сексуальнаго; но при растяжимости терминологіи Freud'а, удобствѣ понятія о сублимированіи сводить всѣ отношенія человѣческой жизни къ сексуальному, можно было-бы, ради торжества идеи, подойти ближе къ такой мысли. Я не сомнѣваюсь, что это можно было бы обставить правдоподобно относительно двухъ сестеръ; одну изъ нихъ я незадолго передъ этимъ оставилъ

послѣ леченія здоровою,—онѣ были гомосексуально влюблены одна въ другую. Къ сожалѣнію, обѣ онѣ, ища въ жизни объекта для своего властолюбія, проявляли его другъ на другѣ. Долгое время они старались покорить одна другую своею любовью и связанными съ ней обязанностями, пока старшая, болѣе стѣсненная судьбою, не прекратила сношеній и не отказалась повиноваться. На такую перемѣну, которая была въ связи съ вышеупомянутой беременностью и походила на паденіе власти, наша паціентка отвѣчала конструкціей страха. Съ этимъ страхомъ, какъ средствомъ принужденія, она познакомилась по болѣзни своей сестры и она могла примѣнять его и противъ мужа. Другими словами: страхъ являлся сильнѣйшей защитой въ тотъ моментъ, когда ни любовь, ни запугиваніе не были въ состояніи принудить сестру къ подчиненію.

Предположимъ на мгновеніе, что паціентка добилась гомосексуальныхъ отношеній. Въ нарисованной картинѣ сексуальный импульсъ былъ бы понятенъ только какъ способъ властвованія. Но стала бы паціентка отъ этого здоровой? Ни въ какомъ случаѣ! Потому что другіе паціенты приступаютъ къ леченію именно въ этой стадіи гомосексуальности и наряду съ этимъ обнаруживаютъ невротическіе симптомы, инверзіи, или перверзіи, или множество другихъ симптомовъ.

Другая, возможная по Freud'у, аргументація—паціентка заболѣла отъ подавленія гомосексуальности,—вся сплошь искусственна; паціентка не могла бы также выздоровѣть отъ проявленія гомосексуальности, такъ какъ ничего не было подавлено. Аргументація эта отпадаетъ сама собою, какъ только мы заговоримъ о неправильности предпосылокъ этого ученія.

Разсмотримъ другую основную опору Freud'овской этіологіи неврозовъ, такъ назыв. существенный главный комплексъ неврозовъ, комплексъ инцеста.

Отецъ обѣихъ дѣвушекъ въ интеллектуальномъ отношеніи далеко превосходилъ мать, страдавшую приступами дипсоманіи и потреблявшую при этомъ невѣроятныя количества алкоголя. Можно думать, что семейная жизнь была отвратительна, и процвѣтала первная фамильная традиція, при которой каждый членъ семьи старался главенствовать надъ другими. Нѣтъ ничего удивительнаго, что обѣ дѣвушки чувствовали себя болѣе привязанными къ отцу, который баловалъ старшую. Ничего нѣтъ также удивительнаго, что обѣ дѣвушки—и это составляло ядро ихъ болѣзни—мало имѣли склонности къ роли женщины, матери, старались насколько могли осуществить безсознательно руководившую ими фикцію и стремились передѣлать себя въ мужчинъ. Лучше всего это удалось старшей, картину болѣзни которой я подробно описалъ въ моей книгѣ. Наша же паціентка, по натурѣ болѣе слабая, должна была еще соперничать съ сестрой, старше ея на 5 лѣтъ; ей остались уже болѣе крутые окольные пути для достиженія сходства съ мужчиной. Она пошла по

нимъ и берегла достигнутое хитростью, кажущейся уступчивостью, потребностью въ поддержкѣ отъ окружающихъ, которыхъ опутывала этимъ, своимъ стремленіемъ къ богатству при помощи чрезмѣрной скупости—и обнаружила свою слабую сторону въ борьбѣ съ состарѣвшейся матерью, съ прислугой, гдѣ ея властолюбіе оставалось неприкрытымъ. Она была также привѣтлива и любезна съ мужемъ, пока онъ былъ ей вполнѣ вѣренъ; позже она охотно отравляла ему существованіе и портила жизнь ревностью и ссорами.

Сдѣлаемъ такое предположеніе: если-бы паціентка вела нормальную сексуальную жизнь, могло произойти ея заболѣваніе или нѣтъ? Вопросъ этотъ не имѣетъ никакого значенія. Потому что, какимъ-же образомъ она могла вести такую жизнь? Она уже давно была невротичкой, закоченѣла въ стремленіи къ защитѣ и хотѣла достигнуть символическаго превращенія въ мужчину. Впередъ долженъ былъ выступить симптомъ абнормальной психосексуальности, которую надо понимать такъ-же, какъ и всю ея невротическую руководящую линію жизни: какъ часть ея невротической системы, не какъ natura naturans, но какъ naturata, лежащею не въ началѣ, а по дорогѣ къ ея фиктивной цѣли, къ безсознательно созданному финалу, въ которомъ долженъ былъ осуществиться ея мужской идеалъ личности.

Резюме.

1. Въ исторіи дѣтства каждаго невротика можно найти слѣды воспоминаній и чувствъ, указывающихъ на недостаточную самооцѣнку, въ связи съ высоко стоящимъ идеаломъ; послѣдній даетъ направленіе всѣмъ тѣлеснымъ и душевнымъ стремленіямъ паціента, питаетъ его фантазіи и принудительно дѣйствуетъ на образъ жизни.

2. Первоначальная недостаточная самооцѣнка основывается на ощущеніи тѣлесной слабости, страданія, тѣлесной и душевной неувѣренности, и образуетъ важный психическій этапъ для душевнаго развитія ребенка, точнѣе говоря: создаетъ отношеніе между ребенкомъ и тѣмъ, что его окружаетъ, его средою. Поэтому самооцѣнка, это— отвѣтъ, который ребенокъ даетъ на проблему жизни. Отъ этой самооцѣнки, этого отношенія зависятъ всѣ чувства дѣтской слабости и неувѣренности, всѣ понятные и понятые выводы отъ сравненій и направляющая линія будущаго!

3. Дѣтская неувѣренность есть результатъ объективныхъ и субъективныхъ событій, которыя, конечно, никогда не совершаются въ чистомъ, не смѣшанномъ видѣ. Вѣроятность субъективнаго источника ошибокъ никогда не можетъ быть исключена. Нужно предполагать чаще всего неспособность ребенка къ реальному воспріятію картины міра.

4. Объективные факты, здѣсь разсмотрѣнные, относятся:

а) къ нормальной дѣтской слабости и неувѣренности,

б) въ особенности къ ихъ патологическому росту, обнаруживающемуся черезъ прирожденную малоцѣнность органовъ.

5. Субъективные факты касаются положенія ребенка въ предѣлахъ семьи, его отношенія къ отцу, матери, братьямъ и сестрамъ, его впечатлѣній и оцѣнки жизненныхъ условій, будущаго, въ этомъ измѣреніи будущаго и предохранительныхъ мѣрахъ, въ приготовленіяхъ ребенка къ его будущей жизни, къ побѣдѣ надъ средою, всегда лежатъ эмпирическія указанія на его объективную неувѣренность и его судьбу.

6. Неувѣренность ребенка, наиболѣе сильная у конституціонально малоцѣнныхъ, требуетъ цѣли и направляющей линіи, которая могла-бы удовлетворить стремленіе къ увѣренности и къ производительной дѣятельности. Чѣмъ скромнѣе самооцѣнка ребенка, тѣмъ выше ставитъ онъ цѣль передъ собою, тѣмъ принципіальнѣе онъ держится за нее, тѣмъ категоричнѣе строится его направляющая линія и тѣмъ отчетливѣе выступаютъ впередъ односторонній характеръ и односторонніе психическія склонности. И вмѣстѣ съ тѣмъ его манера держать себя становится необычной и странной, выражаясь то въ непосредственномъ подражаніи, то въ противорѣчіи съ окружающимъ, то подъ вліяніемъ дѣйствительнаго или мнимаго давленія обстоятельствъ, постепенно развиваясь въ постоянную привычку,—до тѣхъ поръ, пока при помощи такой невротической системы ребенекъ можетъ чувствовать себя господиномъ положенія.

7. Такимъ образомъ, въ этотъ разработанный жизненный планъ оказываются включенными отношенія къ окружающему, фамильныя традиціи, сознательныя и безсознательныя правила воспитанія. Въ особенности необходимо подчеркнуть причинное значеніе гнета строгаго воспитанія, равно какъ и изнѣживанія, усиливающихъ чувство неувѣренности въ ребенкѣ, тѣмъ болѣе предрасположенномъ.

8. Изъ рѣдкихъ случаевъ невротической предрасположенности угрожаютъ дурными послѣдствіями особенно тѣ дѣти, которыя въ конечной цѣли, такъ сказать въ пятомъ актѣ, отвлеченно видятъ въ себѣ сходство съ божествомъ. Носители такихъ идей особенно вынуждены надѣвать личину, имѣть весьма странные пріемы, окольные пути, и сильнѣйшія защитныя средства—странности, болѣзни, невротическія и психическія явленія, чтобы защитить свой личный идеалъ отъ угрожающаго ему натиска окружающаго міра. Необходимы также планомѣрныя агрессивныя задержки, чтобы избѣжать опасныхъ рѣшеній и предполагаемыхъ паденій.

9. Между реальностями, сильнѣе всего вліяющими на образованіе чувства неувѣренности въ ребенкѣ, стоятъ конституціональныя заболѣванія дѣтскаго возраста. Они обрушиваютъ на психику ребенка цѣлую армію бѣдъ,—болѣзни, страхъ смерти, слабость, малорослость, тупость, замедленное тѣлесное и духовное развитіе, безобразіе, уродства, недора-

звитіе органовъ чувствъ и дѣтскіе пороки. На этомъ базисѣ чувства малоцѣнности развивается въ предрасположенномъ ребенкѣ его стремленіе къ недостижимой цѣли, этотъ неудержимый порывъ, который надолго становится для него ритмомъ жизни. Въ такомъ приподнятомъ, но непоколебимомъ ритмѣ вырастаютъ въ рѣдкихъ случаяхъ, при удавшейся компенсаціи, великіе подвиги личности и наиболѣе часто печальная участь невроза и психоза.

10. Органическій субстратъ психоневроза и психоза надо искать въ малоцѣнности зародышевой плазмы и въ конституціональной недостаточности органовъ, которые изъ нея развиваются. Специфическія внѣшнія пораженія являются слѣдствіемъ Iues'a, алкоголизма, продолжительнаго угнетеннаго положенія, перенапряженной дѣятельности и бѣдственнаго положенія массъ. Развитію невроза способствуютъ традиціи нервныхъ семей, внутри которыхъ обыкновенно господствуютъ нервные характеры.

Перев. Н. В.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Ферейнъ свободнаго психо-аналитическаго изслѣдованія

Засѣданіе 17 сентября 1912.

Раисы Адлеръ.

Д-ръ Alfr. Adler даетъ отчетъ о психотерапевтическомъ конгрессѣ въ Цюрихѣ, гдѣ онъ принималъ участіе, какъ представитель „Ферейна свободнаго психо-аналитическаго изслѣдованія", и сообщаетъ, что направленіе, котораго придерживается Ферейнъ и д-ръ Adler все болѣе прививается въ Швейцаріи, что ему удалось завязать отношенія со многими психотерапевтами и что его предложеніе объ устройствѣ въ будущемъ году конгресса въ Вѣнѣ было принято.

Собраніе высказываетъ д-ру Adler'у благодарность за его дѣятельную и успѣшную пропагандистскую работу. Послѣ этого д-ръ Adler читаетъ рефератъ, доложенный въ Цюрихѣ [1]).

Дискуссіи: Wexberg находитъ, что объясненія явленій у истеричныхъ, находящихся въ стадіи „мужского протеста" гораздо проще и, такъ сказать, человѣчнѣе у Adler'a, чѣмъ у Freud'a, объясняющаго ихъ подавленной гомосексуальностью. Д-ръ Grüner находитъ, что психическія явленія можно подвести къ одному ряду и къ другому, ихъ можно объяснить въ смыслѣ сексуальномъ и въ смыслѣ д-ра Adler'a. Schrecker указываетъ на замѣчаніе Poincarré, что задача теоріи состоитъ въ томъ, чтобы на основаніи гипотезъ можно было объяснить большее число фактовъ и объяснить ихъ

---

[1]) См. выше отчетъ о Цюрихскомъ конгрессѣ.

проще, чѣмъ это дѣлаетъ другая теорія, и что такой теоріи надо отдать преимущество. Не все равно какъ сгруппированы явленія, и взглядъ Adler'a на психоневрозы гораздо цѣльнѣе и, въ смыслѣ научнаго единства, гораздо цѣннѣе, чѣмъ другія теоріи. Д-ръ Furtmüller полемизируетъ противъ психическаго сверхдетерминизма, который защищалъ д-ръ Grüner и который приводитъ къ агностицизму. Levy находитъ, что у „мужского протеста" и libido одна и та-же основа, и какъ то, такъ и другое имѣютъ цѣлью повышеніе чувства радости. Анализъ нормальныхъ людей долженъ дать цѣнные результаты. Далѣе онъ находитъ, что понятіе сексуальной конституціи по степени важности можно поставить на одну ступень съ психическимъ гермафродитизмомъ. Wexberg полемизируетъ противъ утвержденія д-ра Grüner'a о параллелизмѣ теорій Freud'a и Adler'a, потому что значеніе, которое придается сексуальности въ обѣихъ теоріяхъ, чрезвычайно различно. G. Grüner находитъ, что теоріи Freud'a и Adler'a вовсе не такъ различны, какъ они сами это думаютъ, но онъ считаетъ, что теорія Adler'a терапевтически болѣе дѣйствительна. Обѣ теоріи сводятся къ вліянію инстинктовъ. Что касается сверхдетерминизма, то это не что иное, какъ законъ соотношеній, примѣненный къ психическому. Freschl полемизируетъ противъ особеннаго подчеркиванія психическаго сверхдетерминизма въ такой области, какъ психологія, и находитъ, что теорія Adler'a шире и глубже, такъ какъ Adler примѣняетъ анализъ тамъ, гдѣ анализъ Freud'a кончается (сексуальность) и находитъ, такимъ образомъ, пунктъ (повышеніе чувства личности, властолюбіе), исходя изъ котораго онъ даетъ свои хорошо мотивированныя объясненія различныхъ психическихъ феноменовъ. Теорія Adler'a не нуждается въ подсобныхъ конструкціяхъ Freud'a, которыя только сбиваютъ съ толку. Д-ръ Adler—Ложное положеніе Freud'a таково: у всѣхъ невротиковъ находятъ ненормальную сексуальную жизнь. Но эта ненормальность не есть, какъ это думаетъ Freud, причина появившихся нервныхъ явленій, она—симптомъ, какъ всѣ другіе нервные симптомы. Но принимая это, нужно также отрицательно отнестись къ прирожденному субстрату, къ сексуальной конституціи Freud'a.

Хроника.

— Съ настоящаго года, какъ уже сообщалось, нашему журналу обѣщали свое сотрудничество д-ръ Alfr. Adler д-ръ, Frischauf (Вѣна) и д-ръ Stein (Будапештъ).

Редакторъ Zentralbl. f. Psychoanalyse д-ръ Wilh. Stekel предложилъ взаимный обмѣнъ матеріаломъ, съ тѣмъ, чтобы оригинальныя статьи, смотря по ихъ содержанію, или цѣликомъ появлялись одновременно въ обоихъ журналахъ, или правильно взаимно реферировались.

Д-ръ Stekel, а равнымъ образомъ д-ръ Erw. Wexberg и д-ръ Otto Kaus обѣщали также сотрудничать въ нашемъ журналѣ.

— Въ Вѣнѣ вскорѣ выйдетъ первая книжка новаго журнала Internationalе Zeitschrift für ärztliche Psychoanalyse, къ изданію котораго приступаетъ проф. S. Freud. Журналъ будетъ у насъ правильно реферироваться.

— Четвертый, уже приготовленный къ выходу, выпускъ трудовъ Ферейна, свободнаго психоаналитическаго изслѣдованія, будетъ содержать работу проф. Felix Asnaurow'a—„Sadismus und Masochismus in der Erziehung.

Редакторъ-издатель Н. А. Вырубовъ.

Типографія Штаба Московскаго Военнаго Округа. Москва.

Открыта подписка на 1913 годъ

НА ЖУРНАЛЪ

„Современная Психіатрія“.

Годъ изданія седьмой.

Въ составъ редакціонно-издательскаго комитета журнала входятъ: **Н. А. Алфеевскій, Д. А. Аменицкій, Л. В. Блуменау, П. П. Бруханскій, Р. Н. Вановскій, И. Н. Введенскій, Н. А. Вырубовъ, В. М. Ґаккебушъ, А. К. Ганъ, П. Б. Ганнушкинъ, Т. А. Гейеръ, В. А. Гиляровскій, М. О. Гуревичъ. С. Н. Давиденковъ, Н. П. Данаевъ, С. Ф. Дмитріевъ, В. Н. Ергольскій, Н. А. Ершовъ, П. М. Зиновьевъ Е. К. Іогансонъ, Ю. В. Каннабихъ, Я. С. Кацнельсонъ, П. П. Кащенко, В. П. Кащенко, П. Д. Максимовъ, Н. И. Орловъ, Н. Е. Осокинъ, А. І. Писнячевскій, Л. А. Прозоровъ, С. А. Преображенскій, Н. П. Прокофьевъ, П. И. Растегаевъ, Г. В. Рейтцъ, С. С. Сергіевскій, Б. Н. Синани, С. С. Ступинъ, Г. Я. Трошинъ, В. В. Чеховъ, А. С. Шоломовичъ, Т. И. Юдинъ.**

Журналъ **„Современная Психіатрія“** посвящается всѣмъ вопросамъ теоретической, клинической и общественной психіатріи.

Журналъ въ 1913 г. будетъ выходить ежемѣсячно книжками въ размѣрѣ до пяти печ. листовъ.

Вслѣдствіе увеличенія объема журнала подписная плата въ 1913 г. будетъ повышена до десяти руб. въ годъ. Цѣна отдѣльной книжки 1 руб.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи „Современной Психіатріи“ (Москва, Новинскій бульваръ, д. № 38. Телеф. 32—48) и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. Гг. иногороднихъ подписчиковъ просятъ направлять подписныя деньги непосредственно въ контору редакціи. Допускается разсрочка подписной платы при условіи непосредственнаго обращенія въ контору журнала: при подпискѣ 4 руб., къ 1-му іюня 4 руб. и къ 1-му октября 2 руб.

Статьи въ заказныхъ бандероляхъ просятъ направлять по адресу редакціи. Редакція оставляетъ за собой право производить въ присланныхъ статьяхъ нѣкоторыя сокращенія. Авторы помѣщаемыхъ въ журналѣ оригинальныхъ статей получаютъ безплатно 25 оттисковъ. О всѣхъ книгахъ, присланныхъ въ редакцію, печатается извѣщеніе въ ближайшей книжкѣ журнала.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1913 ГОДЪ

на періодическое изданіе для учителей средней и начальной школъ, родителей и воспитателей.

„ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ".

Вступая во II-й годъ изданія, журналъ «Педагогическое Обозрѣніе», какъ и въ предыдущемъ году, имѣетъ цѣлью служить печатнымъ органомъ для учителей средней, низшей и начальной школъ и вообще для широкаго круга лицъ, интересующихся педагогическими вопросами. Журналъ ставитъ основное задачей внитательно и постоянно слѣдить за современнымъ теченіемъ педагогической мысли у насъ и за границей, содѣйствовать правильной разработкѣ и освѣщенію вопросовъ, связанныхъ съ воспитаніемъ и обученіемъ, удѣляя должное вниманіе вопросамъ экспериментальной педагогики и психологіи, а равно и методикамъ отдѣльныхъ школьныхъ предметовъ въ ихъ современномъ освѣщеніи. Стремясь постоянно держать своихъ читателей въ курсѣ текущихъ школьныхъ вопросовъ, журналъ особенное вниманіе обращаетъ на полноту и всесторонность информаціоннаго отдѣла, а также на постановку отдѣла критика и библіографіи, какъ по спеціально-педагогическимъ вопросамъ, такъ и вообще по научно-литературнымъ. Значительное мѣсто будетъ отведено обозрѣнію педагогическихъ и дѣтскихъ періодическихъ изданій и спеціально дѣтской литературы. Многія статьи иллюстрируются рисунками. Одобренный лестныти отзывами, какъ педагогической, такъ и общей прессы, журналъ и во второмъ году изданія будетъ стремиться возможно полнѣе осуществить поставленныя цѣли.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

Законодательныя постановленія и Правительственныя распоряженія по учебному вѣдомству. Оригинальныя и переводныя статьи по общимъ и частнымъ вопросамъ школьнаго воспитанія и обученія. Методическія указанія и практическія замѣтки по предметамъ школьнаго. Экспериментальная педагогика и психологія. Школьная гигіена. Физическое воспитаніе. Ручной трудъ и искусство въ школѣ. Средняя, низшая и начальная школа въ Россіи и за границей. Хроника школьной жизни и дѣятельности земствъ по народному образованію. Критика и библіографія. Обзоръ педагогическихъ и дѣтскихъ періодическихъ изданій и спеціально дѣтской литературы. Почтовый ящикъ. Объявленія.

Въ журналѣ постоянное участіе принимаютъ слѣдующія лица:

Барковъ А. С., Бахтинъ Н. Н., Беллюстинъ, В. К., Борзовъ А. А., Веберъ Г. К., Веселовскій Ю. А., Волковскій Д. Л., Гартвигъ А. Ф., Дауге А. Г., Елачичъ Е. А., Звягинцевъ Е. А., Золотаревъ С. А., Игнатьевъ В. Е., Клюжевъ И. С., Локтинъ А. А., Мижуевъ П. Г., Мурзаевъ В. С., Оршанскій Л. Г, Первовъ П. Д., Покотило Н. П., Райковъ Б. Е., Роковъ Г., Румянцевъ Н. Е. Русова С. Ф., Саввинъ Н. А., Синицкій Л. Д., Сѣрополко С. О., Тумимъ Г. Г., Флеровъ А. Е., Флеровъ Н. А., Чеховъ Н. В., Шохоръ-Троцкая Н. С., Шохоръ-Троцкій С. И., и др.

Журналь выходитъ книжками отъ 3-хъ до 5-ти печатныхъ листовъ каждая, одинъ разъ въ мѣсяцъ (кромѣ іюня и іюля).

Подписная цѣна: четыре рубля въ годъ съ доставкою, за полгода—2 руб. 50 коп. Подписка принимается въ конторѣ журнала: Москва, Никитскія ворота, Медвѣжій пер., д. 4, гимназія А. Е. Флерова.

Редакторъ-издатель **А. Е. Флеровъ**.

Открыта подписка на 1913 годъ

НА ЖУРНАЛЪ

„Современная Психіатрія“:

Годъ изданія седьмой.

Въ составъ редакціонно-издательскаго комитета журнала входятъ: **Н. А. Алфеевскій, Д. А. Аменицкій, Л. В. Блуменау, П. П. Бруханскій, Р. Н. Вановскій, И. Н. Введенскій, Н. А. Вырубовъ, В. М. Ґаккебушъ, А. К. Ганъ, П. Б. Ганнушкинъ, Т. А. Гейеръ, В. А. Гиляровскій, М. О. Гуревичъ, С. Н. Давиденковъ, Н. П. Данаевъ, С. Ф. Дмитріевъ, В. Н. Ергольскій, Н. А. Ершовъ, П. М. Зиновьевъ, Е. К. Іогансонъ, Ю. В. Каннабихъ, Я. С. Кацнельсонъ, П. П. Кащенко, В. П. Кащенко, П. Д. Максимовъ, Н. И. Орловъ, Н. Е. Осокинъ, А. І. Писнячевскій, Л. А. Прозоровъ, С. А. Преображенскій, Н. П. Прокофьевъ, П. И. Растегаевъ, Г. В. Рейтцъ, С. С. Сергіевскій, Б. Н. Синани, С. С. Ступинъ, Г. Я. Трошинъ, В. В. Чеховъ, А. С. Шоломовичъ, Т. И. Юдинъ.**

Журналъ **„Современная Психіатрія“** посвящается всѣмъ вопросамъ теоретической, клинической и общественной психіатріи.

Журналъ въ 1913 г. будетъ выходить ежемѣсячно книжками въ размѣрѣ до пяти печ. листовъ.

Вслѣдствіе увеличенія объема журнала подписная плата въ 1913 г. будетъ повышена до десяти руб. въ годъ. Цѣна отдѣльной книжки 1 руб.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи „Современной Психіатріи“ (Москва, Новинскій бульваръ, д. № 38. Телеф. 32—48) и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. Гг. иногороднихъ подписчиковъ просятъ направлять подписныя деньги непосредственно въ контору редакціи. Допускается разсрочка подписной платы при условіи непосредственнаго обращенія въ контору журнала: при подпискѣ 4 руб., къ 1-му іюня 4 руб. и къ 1-му октября 2 руб.

Статьи въ заказныхъ бандероляхъ просятъ направлять по адресу редакціи. Редакція оставляетъ за собой право производить въ присланныхъ статьяхъ нѣкоторыя сокращенія. Авторы помѣщаемыхъ въ журналѣ оригинальныхъ статей получаютъ безплатно 25 оттисковъ. О всѣхъ книгахъ, присланныхъ въ редакцію, печатается извѣщеніе въ ближайшей книжкѣ журнала.

ПСИХОТЕРАПІЯ

ОБОЗРѢНІЕ ВОПРОСОВЪ ПСИХИЧЕСКАГО ЛЕЧЕНІЯ И ПРИКЛАДНОЙ ПСИХОЛОГІИ.

Журналъ ставитъ своею задачей разработку и освѣщеніе вопросовъ психотерапіи какъ въ отношеніи старыхъ ея методовъ—внушенія и гипнотизма, такъ и новѣйшихъ методовъ — Freud'a и Dubois и др. съ ихъ видоизмѣненіями. Большое вниманіе журналъ удѣляетъ также разсмотрѣнію вопросовъ нормальной и патологической психологіи, знакомство съ которыми представляется необходимой основой для раціональныхъ психоаналитическихъ воздѣйствій. Кромѣ спеціальныхъ изслѣдованій, обзоровъ, рефератовъ, рецензій и проч., журналъ даетъ статьи общаго содержанія, затрогивающія, въ широкомъ смыслѣ слова, проблемы человѣческаго духа.

Журналъ выходитъ шестью книгами въ годъ, не менѣе трехъ листовъ каждая. **Подписчая цѣна** на годъ съ доставкой и пересылкой **5 руб.** Цѣна отдѣльной книжки—90коп. **Подписка принимается** въ конторѣ редакціи „Психотерапіи": **Москва**, Патріаршіе Пруды, Ермолаевскій пер., д. 13. Телефонъ 1.08.41.

Статьи въ заказныхъ бандероляхъ просятъ направлять по адресу редакціи. Авторы помѣщаемыхъ въ журналѣ оригинальныхъ статей получаютъ безплатно 25 оттисковъ. О каждой книгѣ, присланной въ редакцію, будетъ заявлено въ ближайшей книжкѣ журнала.

Извѣщеніе отъ д-ра Н. А. ВЫРУБОВА

Съ 1 января 1913 г. санаторій «Крюково» перешелъ въ собственность г. А. Г. Хрущова и д-ръ Н. А. Вырубовъ съ этого времени въ санаторіи болѣе не принимаетъ участія.

МОСКВА.
Типографія Штаба Московскаго Военнаго Округа. Москва.
Остоженка, д. военнаго вѣдмства.
1913 г.